

ФИОНА ВАЛПИ

BESTSELLER AMAZON

Море
воспоминаний

Фиона Валпи
Море воспоминаний
Серия «Когда мы были
счастливы. Проза Фионы Валпи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63815911

Море воспоминаний: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-127501-3

Аннотация

Разум Эллы Делримпл с возрастом все больше избегается от воспоминаний. И, когда внучка Кендра решается навестить ее после долгой разлуки, Элла просит только об одном – записать ее историю.

Элла буквально собирает собственную жизнь по кусочкам. Она пускается по волнам прошлого и вспоминает, как 1937 год навсегда изменил ее жизнь, как она провела лето на затерянном в Атлантике островке, как любила, как нагло война вторглась в ее жизнь и как она старалась не потерять себя в те страшные годы... Элла вспоминает все, что чувствовала, пока память не покинула ее.

Роман «Море воспоминаний» – это путешествие от острова Ре с его неугомонными ветрами до изумрудных холмов Шотландии,

в котором каждый найдет источник силы, любовь и надежду, если только осмелится отправиться в путь.

Содержание

2014, Эдинбург	7
Часть 1	20
1938, Île de Ré[2]	20
2014, Эдинбург	53
1938, Île de Ré	59
2014, Эдинбург	84
1939, Paris	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Фиона Валпи

Море воспоминаний

*Светлой памяти моей бабушки Э. Т. («Милли»)
Макдональд
1906–2008 гг.*

Fiona Valpy
SEA OF MEMORIES

© 2018 Fiona Valpy Ltd

© Манучарова М, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

souvenir (*англ.*) – сувенир (*сущ.*) – память; предмет, данный кем-либо, сохраненный и т. д., чтобы вспомнить прошлое.

se souvenir (*фр.*) – (возвратная форма глагола) вспомнить о чем-либо.

Тот день из золотой был скроен ткани:
Стелился шелком океан безбрежный,
И легкий бриз травы касался нежно,
И сто других штрихов, сто ярких граней.

Вдвоем по кромке, босиком в прибое...
Вдруг чистым блеском в круговерти пенной —
Спираль ракушки – как спираль Вселенной,
Вобравшая тот день и нас с тобою.

Теперь она в моем пальто, в кармане,
Хранит тепло моих воспоминаний.

Элла Делримпл

2014, Эдинбург

«Добро пожаловать в дом престарелых» – слова на вывеске не отменяли того факта, что я стою под проливным дождем, сбоку от стеклянной двери, слегка сгорбившись в попытке максимально приблизить ухо к домофону в надежде, что кто-нибудь услышит и отреагирует. Плотнее прижимаюсь к стене, чтобы оказаться под узким навесом, с края которого мне за шиворот затекает еще больше воды. Ветер срывает пожелтевшие листья с платанов, окружающих серое кирпичное здание, вихрем несет их к окнам, где они прилипают на мгновение к мокрому стеклу, а потом смываются струями дождя на дорожки из мелкого гравия. Нетерпеливо смотрю на часы, мыслями я дома: *«Справится ли Дэн? Вспомнит ли он о лекарствах Финна?»* И снова давлю на кнопку звонка, на этот раз дольше и настойчивее.

– Извините, что заставила ждать, – улыбается девушка-администратор и протягивает мне книгу посещений с просьбой ее заполнить. Пока я сбрасываю промокшее пальто, чтобы капли не стекали на отполированный до зеркального блеска стол, она спрашивает: – Вы уже бывали у нас раньше?

Качаю головой, записываю свое имя и дату. В графу «Кого посещаете» вношу имя своей бабушки – миссис Э. Делримпл.

Девушка забирает книгу, пробегает глазами запись:

– Так вы приехали навестить Эллу? Это очень мило. Она хорошо устроена, и сын к ней регулярно приезжает, но ей было бы полезно, если бы ее навещали почаще.

Чувство собственной вины вызывает во мне раздражение. Хочется сказать девушке, что я никак не могла приехать раньше, что я работаю полный день учителем, что у моего сына проблемы, что не так просто найти время... Но вместо этого я натягиваю на лицо вежливую улыбку, одновременно пытаюсь привести в божеский вид свои волосы, которые от теплого воздуха в помещении уже начали завиваться в дикие кудри.

Этот визит был вызван звонком дяди Робби:

– Она будет рада видеть тебя, Кендра, если, конечно, ты сможешь отыскать хоть немного свободного времени. Элла хочет попросить тебя кое о чем. Но я должен предупредить, что она крайне слаба и очень изменилась с тех пор, как ты видела ее в последний раз. Ее разум блуждает как будто еще больше.

Говорил дядя Робби мягко, однако в его тоне ощущалась настойчивость, которая усилила мое чувство вины из-за того, что я не навещала старушку раньше. Вообще, в нашей семье есть некоторые сложности. Моя мама никогда не была близка с бабушкой Эллой. Следствием этой никогда не упоминавшейся в семье ссоры между матерью и дочерью было отсутствие общения, пока я росла. Эти их отношения, в числе прочих причин, тоже осложняли мне посещение до-

ма престарелых, и я сомневалась, что расскажу маме о своем сегодняшнем визите, который может показаться ей своего рода предательством, даже не знаю почему.

Сообщи я ей о своем намерении приехать сюда – даже мимоходом, слегка небрежно, как о чем-то не слишком важном, реакция на другом конце провода была бы вполне предсказуемой: фырканье и резкая смена темы разговора.

– Второй этаж. Идите прямо до конца. Ее дверь последняя слева, – направляет меня администратор, профессионально улыбаясь.

Здесь стоит густой, угнетающий запах вареной капусты, который просачивается из-под дверей столовой и, смешиваясь с ароматами освежителя воздуха и дезинфицирующего средства, создает адское амбре. Я бесшумно иду по толстому синему ковру. Опасаясь приступа клаустрофобии в лифте, поднимаюсь по лестнице; внезапно понимаю, какое же счастье, что у меня все в порядке с ногами и, значит, есть возможность выбора. Поднявшись на второй этаж, чувствую, что вспотела, а кожу головы покалывает от жара собственного тела. Оттягиваю высокий воротник шерстяного джемпера, надеясь немного остыть, успокаиваю дыхание. Как моя бабушка приспособилась к жизни в удушливой атмосфере этого заведения, неважно, насколько оно теплое и чистое? Добр ли к ней персонал? Хорошо ли о ней заботятся? Скучает ли она по независимости, которую когда-то давал ей большой, солидный дом в Морнингсайде, дом – полная чаша, с

высокими потолками и комнатами, заполненными самыми разными вещами? Или это все больше не имеет для нее никакого значения? Забыла ли она о доме, как забывает теперь очень многое? Ее разум, кажется, избавляется от воспоминаний так же, как она когда-то избавилась от кучи вещей, оставив себе только самое необходимое. Оскудело не только ее жилище, но и сама жизнь, все ее существование, ущербные дни, подходящие к концу.

На последней двери слева красуется число «12», нанесенное с помощью трафарета, а ниже, в маленькой металлической рамке – «Элла Делримпл», ее имя, написанное молодой рукой, аккуратным округлым почерком, непохожим на бабушкин курсив, витиеватый и будто бы слегка подрагивающий на открытках, которые она рассылала на Рождество.

Из комнаты напротив доносится звук телевизора, включенного на полную мощность. Я стою перед дверью бабушки Эллы, прислушиваюсь: там тишина. Негромко стучу. Может быть, она спит?

Я могу оставить записку и незаметно улизнуть, не побеспокоив ее, вернуться домой вовремя, чтобы позаботиться о Финне, поужинать и продолжить проверку принесенных домой эссе на тему: «Кто виноват в трагедии Макбет?» Я подозреваю, что некоторые из этих эссе вполне могут оказаться трагедиями сами по себе.

Желание развернуться и уйти очень сильно. Теперь я смогу, честно глядя в глаза кому угодно, сказать, что пыталась

навестить ее, и моя совесть будет чиста. Однако и от идеи поскорее вернуться назад я особого удовольствия не испытываю. Кажется, за последнее время стало уже совершенно привычным то, что возвращение домой не радует. Я знаю, что, войдя в двери своего дома, буду бояться встретиться глазами с потухшим, виноватым взглядом Дэна, который прекрасно понимает, как я устала после очередного рабочего дня. Мы оба будем старательно изображать, что все в порядке. Он напустит на себя бравый вид, жизнерадостно сообщит об отправленном сегодня резюме и связанными с этими радужными перспективами. Я буду сохранять веселый и беззаботный вид в течение всего вечера, выдавливать улыбки и рассказывать забавные истории о своих учениках. Но мы оба будем знать, несмотря на попытки защитить друг друга, что очень обеспокоены нашим финансовым положением и еще больше – нашим будущим. Что уготовано нашему особенно-му сыну? Финн с рождения был сложным ребенком, болезненная вялость чередовалась у него с бурными, ужасающими приступами ярости. Врачи списывали все это то на колики, то на режущиеся зубки, то на какой-то непонятный вирус. И только когда ему исполнилось два года и стало понятно, что он отстает в развитии, нас направили к специалистам, которые в конце концов поставили диагноз – аутизм. С тех пор каждый наш день – это изнурительная борьба, независимо от того, пытаемся ли мы помочь Финну справиться с приступами гнева и ужаса или обиваем инстанции ради получения

надлежащей помощи нашему ребенку.

В течение дня мы с Дэном светимся позитивом, но когда ложимся спать, между нами словно образуется непреодолимая бездна. Меня не покидает чувство, что каждый из нас тонет в море собственных забот и не способен протянуть руку и вытащить другого на безопасную отмель. Мы дрейфуем все дальше и дальше друг от друга, не в силах больше бороться с подводными течениями, тянущими нас вниз.

Из комнаты напротив выходит медсестра, держа что-то, накрытое полотенцем, и беззаботно улыбается мне. Я поворачиваюсь к двери Эллы и стучу еще раз, немного громче. Голос моей бабушки, слегка надтреснутый и утомленный, звучащий, как семидесятивосьмилетние грампластинки из ее юности, приглашает меня войти.

– Бабушка, это я, Кендра. Заглянула проведасть тебя. – Мой голос звучит фальшиво из-за слишком явно ощущаемой вины.

Не представляю, узнает ли она меня. Я навещала бабушку всего один раз, и тогда она назвала меня Роной. Ее морщинистое лицо просияло улыбкой радости и облегчения от мысли, что дочь наконец-то вернулась, чтобы увидеться с ней.

– Я не Рона, я Кендра – дочь Роны, помнишь? А мама навестит тебя обязательно, я уверена, – сказала я тогда и подумала: – *«Ей давно пора бы это сделать, пока еще не слишком поздно».*

Мама много лет не возвращалась в Эдинбург, отказыва-

лась видетсяя с Эллой, даже когда узнала о ее переезде в дом престарелых, предоставив заботу о ней дяде Робби так же, как и хлопоты по уборке и продаже бабушкиного дома.

Но сегодня хороший день и все по-другому.

– Кендра, дорогая, как замечательно! – говорит бабушка, глаза которой блестят, а взгляд абсолютно осмысленный. – Входи, придвинь этот стул. Ты совершенно промокла! Повесь пальто на радиатор, чтобы оно немного просохло. Похоже, там отвратительная погода!

Обняв ее, внезапно понимаю, какая она хрупкая. Ее теплая щека прижимается к моей, и я ощущаю, насколько тонка ее кожа.

Бесшумно придвигаю стул, осматриваюсь. Дядя Робби и его жена Дженни постарались сделать все, чтобы небольшая комната с тусклыми стенами цвета магнолии и мягким бежевым ковром стала более комфортной и уютной.

Они перевезли картины Эллы, среди которых была моя любимая – с пляжем и парусной яхтой, и развесили их так, чтобы бабушка могла смотреть на них, лежа на кровати. На полу – пара половичков, не потускневших, хотя местами и побитых временем. Книги и украшения аккуратно разложены на полках, сделанных дядей собственноручно и повешенных вдоль стен и под окном, в которое сквозь кроны деревьев видно, как вдалеке словно плывет по штормовому морю ярко освещенный Эдинбургский замок.

На невысоком шкафчике у ее кровати стоит изящная тем-

но-синяя ваза для фруктов, испещренная, будто молниями, золотыми прожилками. В ней горсть ракушек. Смотреть на них почему-то мучительно. В ракушках нет ничего особенного – просто сувениры с морского побережья. И все же она сохранила их как воспоминание о прошедших праздниках, о давно минувших днях, проведенных на далеких знойных пляжах, о ярком солнце, ласковом ветре и море, шуршащем у ног белыми барашками. Я почувствовала ком в горле и едва сдержала слезы.

– Как ты здесь устроилась, бабушка?

Я знаю, как сложно ей было принять это решение. Она расценивала его как капитуляцию, как признание скорого неминуемого конца. Ее лицо на секунду омрачается от моего вопроса, но она быстро берет себя в руки и все с той же спокойной улыбкой говорит:

– Это место было бы не так плохо, если бы не тот факт, что здесь полным-полно стариков!

Я киваю, улыбаясь ей в ответ:

– Ясно. Насколько я понимаю, ты в свои девяносто четыре исключаешь себя из этой категории?

– Ну конечно! – категорично заявляет она и невинно приподнимает брови. – На самом деле мне восемнадцать, несмотря на мой вид. Видишь ли, я придумала теорию: когда живешь так долго, твоя память сама выбирает тот возраст, в котором тебе хочется быть на данный момент. Сегодня я вернулась в год своего восемнадцатилетия!

Я смотрю на нее искоса, беспокоясь, что это очередной провал в памяти, когда разум теряет связь с более поздними событиями и переносится в прошлое, мало-помалу отбирая у нас бабушку. Жестокая уловка стареющего мозга.

Бабушка пристально наблюдает за мной, взгляд ее ясен. Замечая признаки беспокойства на моем лице, она берет мою ладонь в свои ладони и крепко сжимает.

– Не волнуйся, Кендра, я просто дразню тебя. Сегодня я в порядке!

Мои щеки вспыхивают, я кладу другую руку поверх ее ладоней и еще больше разворачиваюсь к ней. Осознание того, что она понимает все о своих провалах в памяти – об этом пугающем мерцании огонька свечи, что некогда горела так ярко и ровно, поражает меня. Ощущая, как щемит сердце и к горлу вновь подступает ком, я замолкаю.

– Но я точно знаю, что теряю рассудок. – продолжает она. Я делаю попытку возразить, что это неправда, что она в отличной форме. Как будто эта ложь может что-то поменять! Она сжимает мои руки: – Да, дорогая, теряю, и нет смысла притворяться, что это не так! Хочу попросить тебя об одолжении. Ты хорошо пишешь, и сейчас, когда я здесь, – она обводит взглядом комнату, в которой теперь и сосредоточена ее жизнь, – когда у меня очень много свободного времени, а голова полна воспоминаний, было бы неплохо, если бы ты записала их для меня, прежде чем я все окончательно забуду. Расскажи мою историю. Можешь это сделать для меня?

Помнится, ты хотела быть писателем – вот тебе шанс осуществить мечту, проявить свой талант.

– Да, но ты же знаешь, как говорят: кто может, тот делает, кто не может – учит... Конечно, бабушка, я буду счастлива записать твои воспоминания. Вот только время – это такая проблема! Я смогу приезжать к тебе только в те дни, когда в школе нет уроков; возможно, немного чаще на каникулах. Но есть еще Финн...

Снова замолкаю, чувствуя себя виноватой. Разумеется, я могла бы найти чуть больше времени. Однако прямо сейчас Дэн наверняка в стрессовом состоянии из-за того, что ему пришлось провести весь день дома, с нашим прекрасным и сложным мальчиком. Знаю, как трудно ему все это дается – постоянное напоминание о том, что Финн «другой», беспокойство, почти паника при мысли о его будущем. Что ждет нашего сына? Как будет развиваться его болезнь, когда он повзрослеет? Кто будет присматривать за ним, когда нас не станет? Все свободное время Дэн тратит на рассылку резюме, с крошечной надеждой на успех. Но новости неутешительные – его бывших коллег тоже сократили, и письма с отказами слишком часты. В результате мой муж в глубочайшей депрессии.

Элла кивает, отпуская мои руки, и поворачивается к прикроватному столику.

– Я знаю, как ты занята, дорогая, и не собираюсь создавать тебе сложности, поэтому попросила Робби принести

мне это, – она открывает ящик стола и достает оттуда диктофон. – Я наговорю на него свои воспоминания и передам тебе, а ты расшифруешь их, как найдешь время, в комфортной обстановке, у себя дома. Я передам тебе и эти альбомы с газетными вырезками и фотокарточками; думаю, они помогут тебе живо представить места и людей, о которых пойдет речь.

На полу рядом с кроватью стоит обувная коробка, туго перетянутая бечевкой, и большой картонный ящик, в котором громоздятся фотоальбомы в деревянных переплетах, похожие на кучу связанных досок. Я беру верхний и открываю наугад. С черно-белого снимка на меня серьезно смотрит девочка – это моя мама. Аккуратная надпись, сделанная специально купленной для этой цели ручкой с белыми чернилами, гласит: «Рона, 8 лет».

Я поднимаю глаза, встречаюсь взглядом с Эллой и снова с удивлением задаю себе вопрос: «Что же такое произошло между моими мамой и бабушкой, что сделало их чужими? Как случилось, что между ними будто образовалось огромная, покрытая трещинами полынья, которую никак не пересечь?»

Элла снова кладет свои руки на мои. Ее голос звучит твердо, в нем слышатся настойчивые нотки:

– Прошу тебя, Кендра! Мое время на исходе. Пока не поздно, пока все не забылось... Пока есть кому рассказать об этом тебе и другим... Пожалуйста, ты ведь согласишься

описать мою историю?

Снова смотрю на фото девочки: на ней аккуратная белая блузка и полосатый школьный галстук, прямые светлые волосы убраны назад пластиковым ободком, взгляд таинственный. И я интуитивно догадываюсь, что в просьбе моей бабушки кроется не что иное, как желание и способ рассказать, объяснить мне то, что волнует меня много лет.

Судя по ящику с альбомами, я крайне мало знаю о жизни своей бабушки. Из-за их размолвки с мамой я в юности почти не общалась с ней. Только когда приехала в Морей Хаус¹, чтобы выучиться на преподавателя, когда уже встретила Дэна и вышла за него замуж, я стала видеться со своей эдинбургской бабушкой чаще. Погруженная в собственную жизнь со всеми ее перипетиями, я воспринимала ее не более чем престарелой родственницей, живущей где-то там. Родственницей, существование которой порой заставляло меня испытывать угрызения совести, если Робби и Дженни уезжали из города или были чем-то заняты и не могли уделить ей должного внимания.

Надо признаться, меня заинтриговала возможность заглянуть в прошлое своей мамы и дяди Робби, перелистав эти альбомы. В них наверняка есть фото моего дедушки, которого я помню очень смутно; он умер, когда мне было семь. В памяти осталась долгая поездка из Лондона на холодный

---

¹ The Moray House School of Education and Sport («Moray House») – школа при колледже гуманитарных наук в Эдинбургском университете.

север, продуваемая сквозняками церковь в Шотландии, рыдания моей мамы, тщетные попытки отца успокоить ее, потом песочное печенье, тающее на языке, и апельсиновый сок дома у бабушки Эллы. Мы не остались там даже на ночь.

– Я лучше поеду к Робби, – сказала мама отцу каким-то чужим, слишком высоким и громким голосом...

Я возвращаюсь в действительность, вижу в глазах бабушки вопрос и приглашение одновременно.

– Хорошо, договорились! – улыбаясь, говорю я, и она облегченно улыбается в ответ.

– Я надеялась, что ты скажешь это! Вот первые кассеты. И я попросила Робби купить еще один диктофон, чтобы ты могла прослушивать их, вернувшись домой. – Она кладет бугристый конверт на альбомы, лежащие в картонном ящике. – И да, Кендра, расскажи это по-своему. Используй свой талант, мои воспоминания и фотокарточки, чтобы написать интересную и понятную всем книгу.

Я снова чувствую скрытую настойчивость в ее словах и задумчиво киваю.

Внезапно мне начинает казаться, что на меня смотрят две пары глаз: глаза бабушки Эллы и еще одни, с фотографии в альбоме, лежащем у меня на коленях, – глаза моей мамы.

Часть 1

1938, Île de Ré²

Девушка стояла на пристани, наблюдая за плывущим к ней по голубой глади паромом, который должен был перевезти ее на другой берег.

Опустив на дощатый пирс чемодан из бежевой кожи, она сбросила узкий жакет, чтобы подставить свои бледные руки ласковому французскому солнцу и отогреться после долгой северной зимы. В тот год вообще не было весны, и она чувствовала себя бабочкой, выпорхнувшей из мрачного склизкого кокона навстречу свету, теплу и ярким краскам.

Легкий ветерок – мягкое дыхание Атлантического океана – растрепал ее русые с медовым отблеском волосы, рассыпал их по плечам, охладив тонкую шею и покрасневшие щеки.

Это было долгое путешествие из Эдинбурга, полное совершенно новых впечатлений. Она не чувствовала себя уставшей, поскольку ее мысли были заняты предстоящей встречей на другом берегу, и девушка все больше нервничала по мере приближения парома. В Лондон она приехала с

---

² Île de Ré (*фр.* Иль-де-Ре) – остров Ре в Атлантическом океане.

мамой, которая решила сопровождать ее, несмотря на заверения Эллы, что в свои семнадцать она сама вполне способна о себе позаботиться.

Привыкшая к ночной тишине пригорода Эдинбурга, девушка не сомкнула в поезде глаз, в отличие от матери, которая спала на соседней полке сном праведника. Стук колес и гудки пронесившихся мимо составов заглушали ее ровное дыхание. Не то чтобы этот шум беспокоил Эллу, просто она была слишком возбуждена предстоящим путешествием за границу и занята мыслями о лете, сулящем ей нечто необыкновенное. Лежа на туго накрахмаленной хлопчатобумажной простыне, укрытая серым шерстяным одеялом с красным логотипом LNER³, слегка покачиваясь в такт мерному перестуку колес поезда, девушка мысленно повторяла французские фразы. Конечно, мадемуазель Мюррей заслуженно считала ее лучшей в классе, но Элла подозревала, что у ее учителя очень сильный морнингсайдский акцент. Французский определенно звучал иначе на маминых пластинках, которые та, мечтательно улыбаясь, вновь и вновь слушала, замороженная бархатным баритоном Мориса Рено⁴ так же, как в далеком детстве, когда жила в Париже.

– Ты же знаешь, Элла, весьма полезно пожить в стране,

---

³ LNER – London North Eastern Railway – ж/д компания «Железная дорога Лондона и Северо-Востока».

⁴ *Морис Рено* (фр. Maurice Renaud, 24 июля 1861 – 16 октября 1933) – французский оперный певец (баритон).

язык которой ты хочешь изучить, не говоря уже о том, чтобы понять ее культуру!

Поэтому на прошлое Рождество мама отправила своей давней подруге Марион Мартэ письмо с просьбой приютить Эллу на одну-две недели в Париже.

Все сложилось даже лучше: Марион предложила Элле отдохнуть с ними летом на даче на острове Ре.

– Целых шесть недель с двойняшками! Вообрази, ты будешь говорить на французском, как на родном! – не скрывала своего восторга мама.

Элла, напротив, слегка разочарована. Она уже представляла себя в изысканном и элегантном Париже, внимательно изучила статью «Пикчер Пост»⁵ о знаменитой Всемирной выставке⁶, состоявшейся в прошлом году. А этот остров?! Она даже не слышала о нем! Покопавшись в толстенном Атласе мира, Элла обнаружила, что остров Ре – это один из малюсеньких островков, который выглядел так, будто его щипчиками откололи от побережья Франции и бросили в Атлантический океан. Но все же это обещало быть приключением, особенно для девушки, которая раньше не путешествовала дальше Файфа⁷.

Подготовка к поездке заняла несколько недель. За

---

⁵ «Пикчер Пост» – Picture Post – британский журнал (1938–1957 гг.).

⁶ В 1937 году Всемирная выставка проводилась 25.05–25.11 в Париже и проходила под девизом: «Искусство и техника в современной жизни».

⁷ Fife – историческое графство в Шотландии.

несколько визитов в «Дженнерс»⁸ был полностью обновлен отпускной гардероб, ныне включающий в себя три купальных костюма, набор изысканного нижнего белья и аксессуаров для нескольких легких хлопчатобумажных платьев, куда более утонченные, нежели те, что она носила раньше.

– Тебе нужно беречь от солнца свою светлую кожу, – сустилась мать, укладывая вещи. – Не забывай носить шляпу, иначе у тебя появятся веснушки и ты расстроишься.

Перед самым отъездом отец подарил Элле маленький чемоданчик. Улыбнувшись, он сказал:

– Мне сказали, что у любой юной леди должен быть такой.

На шее у девушки теперь висел крохотный медный ключик. Именно им они открыли тогда латунные замочки чемоданчика, и Элла обомлела от блеска. Переливался прохладный шелк подкладки густого вишневого цвета, сверкали серебряные крышечки флаконов и баночек, набор щеток и овальное зеркальце, и все это великолепие удерживалось внутри тоненькими кожаными ремешками. В чемоданчике было еще немного места, и Элла положила туда различную мелочь, необходимую в путешествии. Остальное аккуратно завернули в папиросную бумагу и упаковали в большой чемодан.

Приближаясь к пристани, паром замедлил ход, и внезапно вокруг началась суматоха. Дежурный по причалу легко поднял ее чемодан и понес к трапу, затем обернулся убе-

---

⁸ *Jenners* – универмаг в Эдинбурге, основанный в 1838 г.

даться, что Элла взяла свой маленький чемоданчик и последовала за ним на борт. Какой-то человек в берете поставил ящик с кудахчущими цыплятами в тени рулевой рубки, широко улыбнулся Элле и уселся на жесткую скамью, расположенную вдоль всего борта. Матрос что-то крикнул, отбросил швартовы, и паром поплыл назад, стараясь развернуться как можно быстрее, чтобы максимально использовать прилив.

Элла стояла на краю палубы и пристально вглядывалась вдаль, туда, где среди волн виднелся кусочек земли. «*В шторм его запросто может смыть*», – подумалось ей. Ветер усилился и теперь грозил сорвать с головы девушки соломенную шляпу, защищавшую лицо от солнечных лучей, и отправить ее летать над волнами; вспомнив предупреждение мамы, Элла крепко ухватилась за ее поля, облизнула пересохшие губы и почувствовала вкус соли.

В высоком небе невозможно-голубого цвета, совсем не похожем на серое небо Эдинбурга, парила чайка, и девушка, задрвав голову, зачарованно наблюдала ее полет. Потом оглянулась назад, на материк, неумолимо удаляющийся за пенным следом парома. На какое-то мгновение у Эллы возникло странное, пугающее чувство: она словно шагнула за край земли, и шумные, наполненные суетой промежуточные этапы ее путешествия – Эдинбург, Лондон, Париж – остались где-то там, в другой вселенной, которую она покинула на этом пароме.

А паром меж тем двигался вперед, и уже виднелся белый

песок острова Ре, напомнивший пейзажи Тернера⁹, столь любимые Эллой. В окутывающем все вокруг мягком свете раннего летнего вечера море искрилось и меняло цвет от лазурного до бирюзового, а сам остров казался ларцом, выкованным из белого золота, с крышкой из густых сосновых лап. Элла вдохнула морской воздух и ощутила непреодолимое желание остаться в этом мгновении навсегда, такой же свободной, как парящие над ней птицы.

Долго ли, коротко ли, паром приблизился к пассажирскому причалу. Неподалеку под крики людей и чаек на уже стоящее судно неуклюжая стрела крана опускала груз.

Пассажиры парома шумно бросились собирать сумки и свертки. Мужчина в берете установил клетку с цыплятами на велосипед и, скатив его по короткому трапу, благополучно оказался на суше.

Элла подхватила свои чемоданы и, слегка покачиваясь, тоже спустилась на берег. Марион Мартэ сказала, что *они* встретят ее, но девушка не имела понятия, как *они* выглядят. Подругу мама описала как очень красивую жизнерадостную женщину с большими глазами и темными вьющимися волосами. Сама Марион писала, что ее двойняшки – Каролин и Кристоф, которым исполнилось по восемнадцать, с нетерпением ждут в гости британскую ровесницу.

Когда машины одна за другой отъехали от пристани по

---

⁹ Уильям Тернер – британский живописец, мастер романтического пейзажа, акварелист.

пыльной дороге, Элла заметила чуть поодаль повозку, запряженную ослом. Встав на нее, чтобы возвышаться над толпой, ей махали руками двое – девушка с копной каштановых кудрей и юноша с длинной соломенной челкой. Свет, падающий на его высокие скулы, играл тенями, подчеркивая красоту черт. Эти двое были настолько открыты, доброжелательны и красивы, что Элла сразу забыла о своих опасениях и сомнениях по поводу летнего отдыха в компании незнакомых людей. Девушка была одета в яркую ажурную блузочку с коротким рукавом и бриджи, которые открывали ее загорелые икры, а юноша – в свободные брюки и длинную хлопчатобумажную рубашу навыпуск, какие обычно носят рыбаки. Элла почувствовала себя несколько скованно из-за своего слишком аккуратного, подогнанного по фигуре жакета и пышно-го платья.

Каролин и Кристоф спрыгнули с повозки и поспешили к ней. Элла протянула руку для приветствия, но Каролин схватила ее за плечи и расцеловала в обе щеки, сдвинув при этом набекрень Эллину шляпу. Растерявшаяся гостя неуверенно повернулась к Кристофу, не совсем понимая, что делать дальше согласно местному этикету, и вспыхнула, когда он тоже расцеловал ее. Чтобы скрыть смущение, она надвинула шляпу поглубже, пряча лицо под широкими полями.

– Элеонора Леннокс, добро пожаловать! – В глазах Кристофа вспыхнули веселые искорки, и он схватил ее чемодан.
– Зовите меня Эллой, пожалуйста! Так делают все, пока я

не доставлю неприятностей.

Она с удовлетворением обнаружила, что понимает их французский, поначалу осторожно подбирала слова, но достаточно быстро освоилась и легко находила нужные.

– Я не верю, что такая девушка, как ты, может доставить кому-нибудь неприятности! Ты одета, как скромница, слишком уж аккуратно. *Oh là là!* В этом чемодане, судя по весу, еще много таких *костюмов*. Путь слишком долгий, бедной Анаис будет нелегко. Нам придется идти рядом с повозкой.

– Не слушай его, пожалуйста, он шутит, – заверила Каролин, взяв Эллу за руку. – Твое платье прекрасно, и чемодан, кстати, тоже. Ты должна извинить нас, на этом острове мы всегда слишком *décontractés*¹⁰. Здешняя жизнь сильно отличается от парижской, мы забываем, как выглядят цивилизованные люди.

– Ну да, ну да, а что такое цивилизация, в самом-то деле? – Кристоф остановился и опустил тяжелый чемодан. – Я считаю, что жизнь должна быть именно такой, как на Ре, а позерство и снобизм Парижа – это фальшь. Есть множество людей, которые могли бы назвать это полной противоположностью цивилизации. Что же касается всего остального мира, – продолжал Кристоф увлеченно, и глаза его горели, – в Испании идет братоубийственная война, Германия игнорирует все Версальские договоренности, вооружается и аннексирует Австрию. Они намерены расширить свою империю,

---

¹⁰ *Décontractés* (франц.) – расслаблены.

и это явно не благая цель. Беженцы хлынули в Париж, наши родственники тоже бежали от преследований. Вся Европа в смятении! Разве это можно называть цивилизацией?

Элла наблюдала из-под полей шляпы за его привлекательным лицом, которое все больше оживлялось, и за тем, как он жестикулировал сильными загорелыми руками, акцентируя внимание на своих словах.

– Ну же, Кристоф, сейчас не время для политических дискуссий, – мягко проговорила Каролин, дотронувшись до его руки длинными смуглыми пальцами. – Элеонора, должно быть, очень устала после долгого путешествия, да и *Maman* ждет нас дома.

Со вздохом смирения Кристоф поднял чемодан и погрузил его в деревянную тележку с таким грохотом, что рыжий ослик, только что мирно щипавший траву у дороги, оглянулся с крайней степенью недоумения на морде.

– Анаис, познакомься с мисс Элеонорой Леннокс и ее огромным чемоданом, – насмешливо сказал Кристоф и погладил маленькие мягкие уши ослицы и ее мохнатую мордочку. Затем он аккуратно взялся за уздечку и развернул тележку.

– Привет, Анаис. Ты просто красавица!

– Забирайтесь наверх, мисс Элеонора Леннокс! Ваш экипаж подан! – серьезным тоном произнес Кристоф, однако глаза его смеялись.

– Пожалуйста, я же просила называть меня Эллой. И я

думаю, лучше мне пойти пешком; после долгого сидения в поезде хочется размять ноги.

На самом деле Элла беспокоилась, что чемодан действительно слишком тяжел, но ей не хотелось, чтобы этот веселый юный француз понял, что его насмешки как-то задели ее.

В глазах юноши мелькнуло одобрение, ему действительно понравилось, как она отреагировала на его подшучивания. Элла время от времени ловила взгляды Кристофа, направленные то на ее изящную талию, то на тонкие руки в тот момент, когда она придержала шляпу, чтобы ее не унес озорной морской бриз. Она и сама потихоньку изучала его своими ясными зелеными глазами. Но девушка и подумать не могла, что сию минуту его пальцы жаждут карандаша и бумаги, чтобы запечатлеть плавные изгибы ее тела и развевающиеся локоны медовых волос...

Его лицо внезапно стало серьезным, и он сказал:

– Элла так Элла. И да – Анаис благодарит тебя за заботу.

Они покинули гавань и пошли по узкой дороге, как будто процарапанной колесами проезжающих повозок в ковре зеленой прибрежной травы, связывающей своими корнями подвижный песок. Кожаные туфли натирали Элле ноги и уже были покрыты толстым слоем пыли. Она с завистью смотрела на легкие парусиновые тапочки Каролин и Кристофа, джутовые подошвы которых оставляли на песке едва заметный узор, в отличие от глубоких следов Эллиных каблучков.

Там, в другом мире, казалось важным выбрать правильный гардероб для летней поездки, и Элла чувствовала мамину поддержку в этом вопросе, примеряя в обувном магазине в Морнингсайде туфли на каблуке, которые в их пресвитерианской семье не приветствовались, но которые, по их общему мнению, выглядели достаточно шикарно для Франции. Однако уже через несколько минут после прибытия Эллы поняла, что этот «правильный» гардероб совсем не подходит для острова Ре.

Все трое шли рядом с повозкой по дороге подобно прямой линии, перечеркнувшей абсолютно плоский остров и не встретившей при этом никаких препятствий. Закатный отсвет, смягченный сумерками, падал на высокие пики мальвы, которые отчетливо выделялись на фоне многочисленных белых рыбацких домиков. Цветы, малиново-розовые, желто-лимонные, темно-сливовые, нежно-абрикосовые, казались особенно яркими, словно свету здесь была присуща особенная прозрачность, недостижимая на материке. Элла еще сильнее надвинула шляпу, ослепленная заходящим солнцем, которое даже в этот поздний час одаривало остров куда большим теплом, чем ей приходилось ощущать в самый ясный летний день в Шотландии. Она представляла себя саженцем, проклюнувшимся в теплице. Ей казалось, что ее тело, наливаясь силой южного солнца, вытягивается ввысь и вширь. И девушка снова почувствовала себя скованно в хорошо подогнутом платье, жакете, узких кожаных туфлях,

шляпе и перчатках.

Когда они подошли к маленькому городку Сен-Мартен-де-Ре, Элла едва удержалась, чтобы не спросить, как долго им еще идти. На пятке у девушки вздулся волдырь, и она уже почти жалела, что не приняла предложение прокатиться на повозке. Наконец никем не направляемый ослик сам свернул в узкий переулочек, почти незаметный между двумя белеными домиками.

– А что это за растения? – спросила Элла, указывая на идеально ровные и пышные зеленые ряды по обе стороны переулочка.

– Это виноград. Видишь, гроздья только начинают формироваться, – ответил Кристоф.

– Я и не предполагала, что виноград растет так близко к морю.

– Одни из лучших виноградников в мире находятся на побережье. Морской бриз полезен для винограда так же, как и для людей.

Впереди за дюнами, кое-где покрытыми морской травой, снова неожиданно показался океан. Косые солнечные лучи рассыпались алмазами по миллиону крошечных волн, делая свет вокруг более объемным. Справа стоял двухэтажный дом чуть большего размера, чем те, что Элла видела по дороге. Он был ослепительно белый, со ставнями, выкрашенными голубой краской, и створчатыми окнами, стекла которых из-за закатного отблеска казались золотыми.

Кристоф открыл калитку в невысоком заборе, окружавшем цветущий сад, и подвел Анаис к входной двери. Та, как и окна, была распахнута, и морской бриз, легко проникая в дом, приподнимал края тонких муслиновых занавесок.

Юноша вытащил тяжелый чемодан из повозки, бормоча про себя:

– Оставлю его пока здесь, принесу позже, а сейчас займусь Анаис. Ну, старушка, давай-ка распряжем тебя.

Когда он уводил маленькую ослицу на задний двор, в дверях появилась женщина с такими же теплыми глазами и локонами, как у Каролин. Она протянула гостье обе руки.

– Элла, *bienvenue!*¹¹ Мы так тебе рады! Я узнала бы тебя где угодно, ты – вылитая мать! Пожалуйста, зови меня Марион, безо всяких церемоний. Ты, верно, устала после долгого путешествия? Но наконец ты здесь, и теперь уже не нужно будет ходить дальше пляжа или деревни. Каролин покажет твою комнату, и ты сможешь чуточку освежиться до ужина.

Элла последовала за Каролин по коридору с белеными дубовыми половицами, вытягивая шею, чтобы разглядеть комнаты, мимо которых они шли. Этот дом у моря кардинально отличался от дома родителей Эллы в Морнингсайде, с тяжелыми бархатными портьерами и интерьером красного дерева. Здесь просторные комнаты с оштукатуренными потолками были залиты ярким светом, а мебель, состоящая из простых, несочетающихся деревенских предметов, создава-

---

¹¹ *Bienvenue!* (*фр.*) – Добро пожаловать!

ла ощущение элегантной гармонии.

Девушки поднялись по широким ступеням поскрипывающей деревянной лестницы на второй этаж, и Каролин распахнула одну из дверей. Они вошли в комнату с трепещущими муслиновыми занавесками на окнах, и Элле почудилось, что она стоит, слегка покачиваясь, на палубе парусника. Ее уставшее от путешествия тело все еще не привыкло к твердой земле.

На полу лежали выцветшие коврики, добавляя побеленной комнате немного красок. Букет из жимолости и роз на прикроватном столике заполнял пространство сладковатым ароматом. Элла сняла шляпу и с облегчением опустилась на постель, покрытую стеганым одеялом. Потом она сбросила туфли и с наслаждением пошевелила пальцами ног в белых шелковых чулках. Зеркало на туалетном столике у дальней стены отражало проникающие в комнату лучи, и солнечные зайчики плясали на занавесках. Над кованой кроватью висела акварель в изящной позолоченной раме: парусник, скользящий по аквамариновой глади в сторону невысоких дюн.

– Это прекрасно! – прошептала Элла, глядя на работу. – Ты почти чувствуешь ветер, солнечный свет и запах моря.

Каролин кивнула и села рядом с ней:

– Это одна из картин Кристофа. Сочетает в себе две вещи, которые он любит больше всего: живопись и хождение под парусом. И то, и другое получается у него очень хорошо. Только не стоит говорить ему, что ты в курсе, иначе он за-

дерет нос.

Девушки захихикали, заслышав громкий топот по лестнице. Кристоф широко распахнул дверь, с грохотом волоча за собой чемодан.

– Что не говорить и кому? – усмехнулся он. Затем, не дожидаясь ответа, плюхнулся на кровать рядом с сестрой и, изображая страдание, произнес:

– Фу-х, мы с Анаис испытываем громадное облегчение от того, что не увидим этого громоподобного монстра в течение нескольких недель!

– Элла тут восхищалась твоей картиной с изображением «Бижу»¹², – мотнула головой Каролин в сторону акварели.

– Завтра мы отвезем тебя на эту яхту, – расплылся в улыбке Кристоф. – Она прекрасна!

Элла была поражена открытостью и эмоциональностью его лица: темные глаза только что смеялись, а уже через секунду становились задумчивыми. Как будто шквал, проносщийся над морем, заслонял солнце облаками, но тут же и развеивал их. Следуя примеру родителей, она привыкла скрывать чувства, даже когда находилась в уединении у себя дома. Двойняшки, напротив, ничего не скрывали, и Элла почувствовала, что скованность постепенно отпускает ее. Девушке захотелось попробовать быть более эмоциональной, чем это позволялось в ее спокойном и, как она теперь догадывалась, скучном эдинбургском детстве. Казалось, эти но-

---

¹² «Бижу» – *Vijou* (фр.) – название яхты.

вые ощущения распирают Элле грудь. Ее охватило внезапное желание поскорее расстегнуть узкий жакет, чтобы дать волю тому, что происходило сейчас у нее внутри.

В комнату проник восхитительный запах чего-то аппетитного.

– *Allons*¹³, Кристоф! Мы должны ненадолго оставить Эллу, чтобы она могла отдохнуть и распаковать вещи до ужина. Нет никакой необходимости переодеваться, если не хочется. Мы останемся так, как сейчас. Я именно это имела в виду, когда говорила, что здесь все очень расслаблены. Если захочешь освежиться, ванная комната – соседняя дверь справа, напротив лестницы. Спускайся, как будешь готова. Мы будем на кухне или на террасе: когда зайдешь на кухню, увидишь дверь.

Поспешно повесив одежду в шкаф, стоявший в углу спальни, и аккуратно сложив белье в чудный комод кремового цвета, украшенный гирляндами розовых роз, Элла отправилась на поиски ванной комнаты.

Она расчесывала свои растрепанные ветром волосы до тех пор, пока не увидела в запотевшем зеркале, висевшем над раковиной, что ее серьезное лицо обрамлено аккуратными прядями. Широкие поля шляпы, очевидно, не стали препятствием для солнца и ветра, придавшим ее щекам слабый золотистый оттенок. Она с ужасом обнаружила целых пять веснушек, разбросанных по переносице. Девушка в зеркале на-

---

¹³ *Allons* (фр.) – Ну же (в значении «давай», «пойдем»).

хмурилась, но Элла покачала головой и твердо объявила своему отражению:

– Теперь нет никакого смысла беспокоиться о веснушках. Здесь на острове мы *très décontractés*¹⁴, и ваш *accent Français*¹⁵ уже гораздо лучше, *mademoiselle*¹⁶ Леннокс.

Она вымыла руки душистым кремовым мылом и вытерла их белоснежным льняным полотенцем. Затем повесила нарядный жакет в шкаф и, накинув на плечи легкий хлопчатобумажный кардиган на случай, если вечерний воздух окажется прохладным, поспешила через кухню на террасу.

Позади дома был разбит большой сад, окруженный высоким беленым забором. Аромат жимолости, охапка которой, видимо, и стояла в вазе в ее спальне, смешивался с ароматом жасмина, обрамляющего кованую решетку беседки. Вдалеке под деревьями Анаис с удовольствием щипала травку. Марион, Каролин и Кристоф сидели за большим деревянным столом, покрытым белой скатертью. На столе стояли приборы с ручками из слоновой кости, в центре – ярко расписанный глиняный кувшин с пышным букетом темных роз, бутылка красного вина и хрустальный графин с водой. В тихом вечернем воздухе было слышно, как колокол церкви Святой Марии пробил восемь.

Кристоф, подперев рукой подбородок, что-то рисовал в

---

¹⁴ *Très décontractés (фр.)* – очень спокойны, расслаблены.

¹⁵ *Accent Français (фр.)* – французский прононс (произношение).

¹⁶ *Mademoiselle (фр.)* – обращение к незамужней девушке во Франции.

альбоме, который он спешно захлопнул, увидев Эллу.

– Проходи, – пригласила Марион и указала на стул рядом с собой. – Ну, рассказывай скорей! Как там мама? Я не видела ее много-много лет, с тех пор как примерно в твоём возрасте была в Эдинбурге. Какие же это счастливые воспоминания! Каролин, передай Элле оливки. Может быть, бокал вина? Можно разбавить водой, если ты не привыкла пить его до еды, как это делаем мы.

Тёмное вино приобрело ярко-рубиновый оттенок, когда мадам Мартэ разбавила его водой из графина и протянула гостье. Элла осторожно потягивала вино, стараясь при этом держаться непринужденно, как будто каждый вечер, ужиная вареной говядиной или бараниной, которые обычно подавались у нее дома в Эдинбурге, она пила Château Talbot¹⁷ – это название было выгравировано на бутылке, стоявшей на столе. Даже разбавленное, вино имело насыщенный вкус и слегка пьянило. Элла почувствовала, как последние следы напряжения и сомнений, порожденных долгим путешествием и ожиданием этого лета, растворяются и исчезают в опускающейся на остров ночи вместе с лучами заходящего солнца.

При свете фонаря, который Марион принесла к столу вместе с блюдом *blanquette de veau*¹⁸, Элла украдкой взглянула

---

¹⁷ Château Talbot (*фр.*) – красное сухое вино «Шато Тальбо» названо в XV веке в честь легендарного английского полководца Джона Тальбота (John Talbot), принимавшего участие в знаковых битвах Столетней войны между Францией и Англией.

¹⁸ *blanquette de veau* (*фр.*) – тушеная телятина.

на Кристофа. Тени играли на его лице, и глаза, казалось, светились глубоким внутренним светом, теплым и загадочным. Поймав его взгляд, она ощутила легкий укол в сердце и смутную уверенность, что между ними установилась какая-то связь. Чтобы скрыть смущение, Элла не без удовольствия принялась за еду и очень подробно отвечала на вопросы Каролин о жизни в Шотландии.

Стало прохладно, Элла поежилась и зевнула. Заметив это, Марион сказала с улыбкой:

– Пойдемте-ка спать. Думаю, мы все сегодня устали от волнения, связанного с приходом Эллы. Даже вы притихли, разговорчивые мои. Оставь посуду, Каролин, утром придет Сандрин. Спокойной ночи, мои дорогие. Барометр настроен оптимистично, так что завтра сможете отправиться на «Бижу» в дальнее плавание. Хотите, я приготовлю вам еды в дорогу?

Элла лежала в своей комнате, на гладких хлопковых простынях. В окно, неплотно прикрытое снаружи ставнями, просачивался прохладный ночной воздух, шевеля занавески своим соленым дыханием. Щель в ставнях показала Элле, что взошла луна, засыпав серебристыми бликами ее комнату. Бескрайний океан там, за окнами, отражал лунный свет, создавая странное зыбкое сияние, больше похожее на загадочный рассвет, а прибором нежно вздыхал и нашептывал волнующие обещания.

«Надо же, здесь совсем не темно», – уже засыпая, поду-

мала Элла, и ее мысли уплыли далеко, на сказочный остров, залитый морем света.

* * *

Она проснулась от того, что кто-то, возможно Кристоф, насвистывал «Марсельезу»¹⁹, спускаясь по лестнице, а затем кто-то – Каролин или Марион – шикнул на него.

Яркий солнечный свет настойчиво пробивался сквозь ставни, формируя золотую замену серебристым лунным бликам. Элла спрыгнула с кровати, пробежала по тряпичному ковру, нажала на тяжелую металлическую ручку, удерживавшую ставни, и распахнула окно настежь. Теплый ветерок ласково гладил ее обнаженные руки, теребил тонкую ткань ночной рубашки, а солнце заливало жаром комнату. Элла натянула юбку и блузку и почти сбежала по лестнице вниз.

Французские окна на кухне были открыты, как и прошлой ночью. Полная седовласая женщина в фартуке поверх поло-сатой юбки из тика вошла с террасы, неся в руках пустой поднос. Ее деревянные башмаки стучали по терракотовой плитке.

– *Bonjour, mademoiselle. Enchantée*²⁰, – приветливым тоном произнесла она и официально пожала Элле руку сильной за-

---

¹⁹ «Марсельеза» (фр. La Marseillaise) – гимн Французской Республики.

²⁰ *Bonjour, mademoiselle. Enchantée* (фр.) – Здравствуйте, мадмуазель. Приятно познакомиться.

грубевшей от работы рукой, широко улыбаясь при этом. Каролин, вошедшая следом, представила ее как Сандрин. Женщина тут же захлопотала возле раковины.

– Пойдем, Элла, завтрак на террасе, – сказала Каролин и взяла с кухонного стола пару кувшинов с широким горлышком. Когда они вышли во двор, под тень жасмина, она объявила:

– *Voilà!*²¹ Элла и кофе.

– А вот и ты, дорогая! Тебе хорошо спалось?

Марион передала Элле корзинку с хлебом; Каролин тем временем обходила всех, разливая в маленькие чашечки густой, как патока, кофе и добавляя в ароматный напиток горячие сливки. Более привычная к тарелке с овсянкой и чаю в изящных чашках, Элла замялась, не зная, как вести себя дальше. И когда Марион взяла свою чашечку обеими руками и отхлебнула из нее, робко последовала ее примеру. Кофе был восхитительным, бодрящим, как и завтрак на открытом воздухе. Кристоф макал кусочки хлеба в кофе, но Элла последовала примеру Каролин и густо намазала хлеб маслом и вишневым джемом.

– Итак, сегодня мы возьмем тебя с собой на «Бижу», – сказал Кристоф между глотками кофе. – Ты раньше ходила под парусом?

Элла покачала головой, показывая, что никогда.

– Не волнуйся. Она прекрасна, и это легко. Мы тебя на-

---

²¹ *Voilà!* (*фр.*) – Вот! (слово обозначает завершение какого-либо действия).

учим.

– Но я боюсь, что ты испортишь свою красивую одежду, – ласково улыбнулась Марион. – Каролин, не могла бы ты одолжить Элле что-нибудь из своих вещей? И мы обязательно должны купить тебе пару эспадрилий²² в эти выходные. Они идеальны для пляжа и яхты.

* * *

Час спустя Кристоф, одобрительно поглядывая на Эллу, помогал ей забраться в маленькую гребную шлюпку, которую он крепко удерживал на воде у края неровного откоса. Одна рука девушки была занята только что снятыми сандалиями; протянув другую Кристофу, она смело шагнула на деревянное дно шлюпки, которая должна была доставить их туда, где покачивалась на волнах у своего причала красавица «Бижу».

– В этой одежде ты выглядишь почти как француженка, – сказал он с улыбкой, отпустив ее руку только после того, как она благополучно устроилась на одном из деревянных сидений.

Девушка переделалась в свободную темно-синюю блузку в белую полоску и хлопчатобумажные шорты, которые ей

---

²² *Эспадрильи* (фр.) – лёгкая летняя обувь, напоминающая тапочки с задником: плоская верёвочная подошва из джута, для верха используются текстильные материалы и замша.

одождала Каролин, и стянула волосы сзади лентой в цвет блузки.

Элла улыбнулась в ответ. Новый наряд придавал ей ощущение спокойной уверенности. Говорить на другом языке, носить другую одежду, отправляться в неизведанное путешествие – все это усиливало обретенное здесь чувство свободы, свободы быть кем-то совершенно иным, непохожим на Эллу из Эдинбурга.

Кристоф уложил в шлюпку корзину для пикника и вместительную соломенную сумку с кожаной ручкой, полную полотенец и джемперов, затем помог сестре перебраться с берега, вставил весла в уключины, оттолкнулся от берега и направил лодку в сторону причала.

Оказавшись на борту парусника, Элла почувствовала себе неуклюжей и неловкой. Те двое с непринужденной уверенностью занялись подготовкой яхты и пикника в крошечной каюте под палубой. «Бижу» действительно была очень хороша: линии клинкерных бортов, сияющих белой краской, плавны и изящны; палуба из тика, пропитанного эфирными маслами, шелковистая на ощупь.

– Это эксклюзивная яхта, второй такой нет, – сказал Кристоф с некоторой гордостью. – *Grand-père*²³ построил ее десять лет назад. *Maman* унаследовала ее вместе с домом, когда он умер. Она приезжает на Ре с младенчества. Именно *Grand-père* научил нас всех ходить под парусом. Но *Papa* на

---

²³ *Grand-père* (фр.) – дедушка.

самом деле не любит море, а *Матан* предпочитает проводить время, ухаживая за своим любимым садом, так что теперь за «Бижу» присматриваю я.

Каролин отшвартовала яхту, Кристоф потянул румпель²⁴, паруса наполнились ветром, и «Бижу», повернувшись носом к открытому морю, медленно поплыла, лавируя меж других яхт, и наконец выбралась на простор. Элла почувствовала, как внезапно поднялся ветер, заставляя трепетать ленту в ее волосах.

Потом появилось ощущение полета.

«Бижу» рассекала носом игривые волны с белыми гребнями, и тысячи искрящихся брызг, разлетаясь вокруг, осыпали их, оставаясь на коже прохладными капельками. Моевка²⁵ взмыла вверх, белая, как цветок вишни на фоне головокругительной синевы неба, широко расправила свои крылья с чернильной каймой оперенья, и Элла почувствовала, как вместе с птицей воспарило ее сердце, охваченное неподдельной всепоглощающей радостью. Она запрокинула голову, провожая взглядом чайку, и закрыла глаза, с наслаждением подставив свое лицо ласковым солнечным лучам. Шляпы от солнца и веснушки были напрочь забыты.

Кристоф направил яхту к югу от острова. Откинувшись на транец²⁶, он подтолкнул сестру локтем:

---

²⁴ *Румпель* – специальный рычаг для управления яхтой.

²⁵ *Моевка* – вид чаек.

²⁶ *Транец* – (от *англ.* transom) плоский срез кормы судна.

– Глянь-ка, Каролин, мне кажется, наша гостья наслаждается!

Элла лучезарно улыбнулась:

– Это просто потрясающе! Такое ощущение, что мы летаем над волнами!

Кристоф кивнул:

– Я всегда думаю об этом как о танце. Океан – грозный и непредсказуемый партнер. Сегодня у него прекрасное настроение, смотрите – он сверкает. Мы танцуем квикстеп²⁷. Иногда он нежнее, романтичнее, одевается в шелка и начинает вальсировать. А порой капризничает. Когда он танцует яростный пасодобль²⁸ или страстное танго, мы должны быть осторожны и использовать все возможности «Бижу», чтобы соответствовать ему.

Каролин рассмеялась:

– А когда во время шторма он превращается в крутящегося дервиша, мы предпочитаем оставить его наедине с собой. Может, он и танцовщик, но очень могущественный, и безусловно он ведет.

– Приготовься идти галсом²⁹, – приказал Кристоф, прикрывая глаза от солнца.

---

²⁷ *Квикстеп* (англ. Quickstep, букв. «быстрый шаг») – парный танец, быстрая разновидность фокстрота.

²⁸ *Пасодобль* (исп. Paso doble – «двойной шаг») – испанский танец, имитирующий корриду.

²⁹ *Галс* – движение судна относительно ветра.

Каролин ослабила кливер³⁰ и жестом подозвала Эллу:

– Когда он скажет «готовься», мы присаживаемся на корточки вот так, позволяя гику³¹ раскачиваться поперек. Ты же не хочешь получить им по голове?

Элла последовала примеру Каролин, перебралась под гиком к левому борту, а «Бижу» тем временем поменяла курс, и впереди уже виднелась тонкая линия дюн острова. Солнечные лучи теперь согревали спину Эллы, проникая сквозь мягкий хлопок блузки. Ее кожа светилась от тепла, ветра и морских брызг, заполнявших все вокруг каждый раз, когда очередная волна поднималась навстречу носу «Бижу».

Внезапно задумавшись над словами Каролин, Элла почувствовала, как ее пробирает дрожь, несмотря на теплое солнце. Океан сегодня был доброжелательным и игривым партнером, но маленькая лодка, скользящая по бескрайней глади, показалась ей весьма уязвимой. Под сверкающей поверхностью вода была таинственной и темной, непостижимо глубокой, с мощными невидимыми течениями.

«Как глупо размышлять о мрачном в такой прекрасный день», – подумала девушка. День, наполненный солнечным светом, красотой, молодостью и свободой. Ветер перекинул ее «конский хвост» прямо на лицо, и она тряхнула головой, чтобы привести в порядок волосы и мысли. Вытянув одну

---

³⁰ *Кливер* (нидерл. *kluiver*) – косой треугольный парус.

³¹ *Гику* – устройства, служащие для растягивания нижних частей косых парусов на яхтах.

руку за борт, она почти коснулась кончиками пальцев кружевных шапочек на макушках волн. Брызги охлаждали ее кожу, пока та не покрылась мурашками, похожими на крупинки золотого песка.

Элла обернулась, чтобы посмотреть на пенный след, оставляемый яхтой, и поймала взгляд Кристофа, устремленный на нее. Взгляд этот был так же непредсказуем, как океан: он то сверкал внутренним светом, то был сумрачен, словно шторм. Элла почувствовала, как зарделись ее щеки, но глаз не отвела. Искра, промелькнувшая между ними вчера, в этот момент превращалась в волну, сильную, как прилив, и девушка интуитивно понимала, что нет смысла плыть против такой волны. Это было нечто, намного превосходящее все, что она испытывала раньше, нечто, с чем она не смогла бы бороться, как не стала бы бороться с силами природы, даже если бы захотела. Но она не хотела!

С притворным спокойствием она улыбнулась ему, изо всех сил пытаясь унять сердцебиение:

– Ты и правда думаешь, что я смогу научиться управлять «Бижу»?

Он долго не отвечал, не сводя с нее глаз, словно загнипнотизированный. Наконец подвинулся, освобождая ей место. Она взялась за румпель, спиной ощущая сильную смуглую руку, которая помогала ей держать ровный курс.

– Легкими движениями, плавно. Она послушно выполнит все твои желания. Попробуй чуть-чуть отодвинуть эту шту-

ку от себя. Да, вот так. Видишь, яхта поворачивается по ветру, и мы немного теряем скорость. Тебе нужно слегка поиграть рулем, чтобы почувствовать правильный момент, когда паруса идеально ловят ветер. Смотри на полоску на полотне паруса: она должна быть прямой, не трепыхаться и не хлопать. Так, хорошо!

Часом позже они вошли в бухту, окруженную дюнами, и бросили якорь. Кроме лодки случайного рыбака, занимавшегося своими делами вдалеке, никого в поле зрения не было. «Бижу» с неплотно свернутыми парусами тихонько покачивалась на волнах. Ветер стих, и солнце стояло высоко, прямо над мачтой.

– Давайте поплаваем, а потом пообедаем, – предложила Каролин и тут же начала стягивать одежду, под которой был надет купальный костюм. Кристоф проделал то же самое и с задорным гиканьем нырнул с борта яхты. Его длинное гибкое тело вошло в воду почти без брызг. Элла пожалела, что не догадалась надеть свой купальный костюм под одежду, достала его из соломенной сумки и остановилась в растерянности.

– Ты можешь спуститься в каюту, – подсказала ей Каролин.

Элла быстренько переоделась, а завязывала сзади на шее свой купальный костюм уже на ходу. Она купила его в «Дженнерс»: белый с желтыми маргаритками, он был гораздо красивее, чем практичный темно-синий, в котором она

училась плавать в «Банях Уорренера».

Она нерешительно присела на борт лодки и свесила ноги. Легкие волны игриво плескались под ее ногами, будто пытаюсь ухватить ее за пятки и потянуть в пучину. Несмотря на то, что Элла была одной из лучших пловчих в классе, сейчас она чувствовала тревогу. Вокруг было гораздо больше воды и никакой твердой поверхности, за которую можно уцепиться и отдохнуть при необходимости. Где же вы, тренер, когда вы так нужны?

Резко повернувшись, девушка ухватилась за борт, опустилась в воду и ахнула от обжегшего ее разгоряченную кожу холода. Но уже мгновение спустя она ощутила блаженство, оттолкнулась от яхты и сделала несколько робких гребков. Соленая вода странным образом бодрила, и Элла поплыла увереннее к Кристофу и Каролин, которые наблюдали за ней.

– Это божественно! – воскликнула она, доплыв до них, и перевернулась на спину, как они, глядя на берег.

Ее лицо озарила улыбка, когда она узнала вид.

– Это ведь та самая картина! Та, что над моей кроватью! Я узнаю эти дюны, изгиб пляжа!

Кристоф удовлетворенно кивнул:

– Да, все верно.

– У тебя наметанный глаз, Элла, – заметила Каролин, скользя по воде. – Ты изучала искусство?

– Только в школе. Но я люблю посещать картинные галереи и выставки в Эдинбурге.

– Может, подумаешь о карьере в искусстве? Я вот собираюсь сделать это в Париже. Подаю заявки в несколько галерей, чтобы изучить процесс реставрации музейных картин.

– Я и не знала, что такое существует. Это, конечно, звучит веселее, чем курсы в колледже для секретарей, куда я должна пойти осенью. Мама считает, что это наиболее подходящая профессия. С моим французским я могла бы получить место даже в дипломатическом департаменте. Но я не думаю, что настолько хороша в рисовании, чтобы делать что-то в мире искусства. И не уверена, что мои родители будут рады такому моему решению. А ты, Кристоф, что планируешь делать? Ну, кроме того, чтобы стать знаменитым художником? – поддразнила она его. – Ты собираешься работать в музее, как Каролин?

Его глаза снова потемнели непостижимым образом.

– Нет, – коротко ответил он. В его голосе послышалась горечь: – *Papa* заявил, что искусство – это то, чем могут заниматься девушки, пока их не подцепит какой-нибудь достойный мужчина. Я же должен пойти по его стопам, в банк. Это уже решено. Но давайте не будем портить чудесный день подобными разговорами. Возвращаемся к яхте, на обед. *Allons-y!*

И он шлепнул ладонями по воде, подняв тучу брызг, отчего девушки завизжали, и таким образом серьезность момента была развеяна.

Они снова забрались на «Бижу»: Кристоф без особых уси-

лий перемахнул через корму и помог обеим девушкам. Пока Элла вытирала волосы, брат с сестрой доставали еду из плетеной корзинки и расставляли ее на носовой палубе. Внезапно девушка поняла, что ужасно голодна.

Все трое сидели в довольном молчании под импровизированным навесом, сооруженным Кристофом, поглощая хлеб с золотистой корочкой, густо намазанный мягким острым сыром и увенчанный ломтиками самых красных и сочных помидоров, когда-либо виденных Эллой. Ей казалось, что она никогда не ела ничего вкуснее.

Они запили все это водой из глиняной бутылки, а затем Каролин вручила каждому по нагретому солнцем персику, такому сладкому и спелому, что сок потек по подбородку и пальцам Эллы, как только она надкусила его.

Потом они лежали в тени навеса, разомлевшие от солнца, моря, тепла и такой вкусной еды. Элла смотрела на невероятную синеву неба, чуть зажмурившись от яркого света, прислушивалась к плеску волн о борт покачивающейся яхты, а потом закрыла глаза... всего на мгновение...

Она не представляла, сколько проспала, но солнце уже светило под другим углом, и «Бижу» слегка повернулась на якоре, поэтому один из лучей проник под навес и теперь играл на ее влажных волосах, рассыпанных по плечам и маргариткам на купальнике. Она облизнула губы, почувствовала соленый привкус, обернулась. Каролин тоже спала, свернувшись калачиком и мирно сопя. Кристоф сидел, подогнув но-

ги, и сосредоточенно смотрел в альбом с набросками. Его карандаш быстро двигался по шершавой бумаге, рисуя четкие, уверенные линии. Кристоф поднял голову, их глаза снова встретились. Он вдруг растерялся, как будто пока они спали, он блуждал где-то далеко, а ее пробуждение выдернуло его обратно в реальный мир. Элла молча улыбнулась и, подбородком указав на Каролин, поднесла палец к губам; он кивнул, улыбаясь в ответ. Так же без слов Элла протянула руку, показывая на наброски. Он покраснел и, закрыв альбом, помотал головой. Но она, не опуская руки, продолжала настойчиво смотреть ему в глаза. Он нехотя отдал альбом, и Элла принялась листать страницы с самого начала.

Казалось, Кристоф старался запечатлеть все увиденное на острове: морской пейзаж с дюнами, покрытыми редкой травой, ряд рыбацких домиков с мальвами, жмущимися к белым стенам, сад за домом, где Анаис щипала траву. Не забыл и про сестру с мамой, сидящих на террасе: Каролин увлеченно читает книгу, а Марион сосредоточенно шьет. Перевернув еще страницу, Элла увидела на рисунке юную девушку, стоящую на пристани. Одной рукой девушка придерживала широкополую шляпу, а ее пышную юбку развевал морской ветер. На всех следующим изображениях снова была Элла. Некоторые зарисовки были сделаны буквально несколькими штрихами, карандашу и его владельцу удалось поймать всего один жест или мимолетное выражение лица, и Элла узнавала в этих набросках себя. Другие были прорисованы куда более

тщательно; очевидно, над ними Кристоф работал долго.

Последний рисунок, который буквально сочился нежностью, показывал, что она спит, прикрыв глаза пальцами согнутой руки, так безмятежно и невинно, что у нее перехватило дыхание.

Каролин зашевелилась, просыпаясь; Элла быстро захлопнула альбом и вернула его Кристофу. Он встал, разминая затекшие ноги, слегка подтолкнул сестру.

– Давайте, спящие красавицы, поднимайтесь! Пора домой, – заговорил он и принялся распускать парус, готовясь отправиться в обратный путь.

За ним, в рассеянной задумчивости широко раскрыв глаза, неотрывно следила Элла, потрясенная истиной и красотой только что увиденного.

2014, Эдинбург

– Ты уверена, что тебе достаточно тепло, бабушка? – осведомляюсь я, накидываю Элле на плечи тонкую шерстяную шаль и присаживаюсь рядом с ней на скамейку.

– Я в полном порядке. Перестань суетиться, Кендра! Здесь просто прекрасно, это была замечательная идея.

В этот осенний день в воздухе все еще ощущается немного невесомого тепла, небо – удивительно синее, а ярко-желтые листья на его фоне – совершенно неподвижны. День на редкость безветренный, и я предлагаю бабушке в кои-то веки выйти из душного кокона ее комнаты в сад. Это предложение вызывает удивленную улыбку у девушки-администратора, которой приходится некоторое время копаться в ящике стола в поисках ключа, чтобы отпереть нам заднюю дверь. Но сама Элла с готовностью соглашается. Мы сидим, подставив свои лица солнечным лучам, спиной к серой стене, окружающей аккуратно постриженную лужайку и неказистые розовые кусты, на которых упрямо цепляются за жизнь несколько поздних цветков.

Элла с наслаждением вдыхает осенний воздух:

– Ах, какое блаженство! Почему-то начинаешь все это ценить, только когда осознаешь, что это ненадолго!

Не знаю, что она имеет в виду: то, что зима не за горами, или что-то более глобальное. Я беру ее руку, чтобы утешить,

но внезапно понимаю, что Эллины пальцы успокаивают меня саму. От этого мягкого прикосновения или от мысли о скорой потере бабушки к горлу подкатывает ком. Теперь, думая об этом, я пытаюсь вспомнить, когда мы с Дэном в последний раз держались за руки, и в голову не приходит ничего, кроме небрежных поцелуев в щеку, мимоходом, по привычке. Ее прикосновение дает мне понять, как сильно я хочу держать в своих руках руки Финна, чтобы дать ему такое же ощущение любви и поддержки. Я с трудом сглатываю ком, застрявший в горле, и нежно сжимаю ладонь Эллы в ответ.

Она улыбается, глядя на наши сцепленные пальцы:

– Какая у тебя прекрасная кожа! Чистая, гладкая... Глядя на мои руки, сложно представить, что и у меня когда-то была такая. Эти ужасные пигментные пятна... Солнечный свет, который я впитывала на протяжении всей жизни, теперь берет свое. Но как чудесно почувствовать его снова!

Бабушка закрывает глаза, и я задаюсь вопросом, не перенеслась ли она сейчас мыслями в свое первое, головокружительное лето на острове Ре.

Словно прочитав мои мысли, она спрашивает:

– Как продвигается работа?

– Неплохо. Хочешь, в следующий приезд я возьму с собой то, что уже написала, и прочту тебе?

Она похлопывает меня по руке и поправляет складку шали:

– Нет, я доверяю тебе. И хочу, чтобы ты написала эту ис-

торию по-своему. Прочтешь мне все, когда закончишь. И да, не стесняйся задавать мне вопросы. Некоторые мои воспоминания обрывочны. Возможно, я что-то пропустила, пока записывала их на эту машинку.

Я качаю головой. Ее записи содержательны, последовательны и логичны. Это позволяет мне легко плести нить ее истории, а фотографии помогают представить все с большей достоверностью. На пленках голос бабушки звучит сильнее и увереннее, чем в жизни. Может быть потому, что эти воспоминания и есть ее жизнь.

Элла снова закрывает глаза и тихо говорит:

– Иногда требуется время, чтобы узнать людей. Некоторых мы не узнаём по-настоящему никогда. Других – в мгновение ока. Так было с Кристофом и Каролин. Я полагаю, неискушенность и наивность, свойственные юности, помогли мне в этом... Друзья детства, первая любовь. С годами все становится сложнее. Но в то лето я влюбилась в самую жизнь, Кендра, не просто в остров и в семью Мартэ, а в возможности и надежды, пробудившиеся во мне. Я увидела, какой может быть жизнь! – Она смотрит на меня пронзительным взглядом, словно собирается проникнуть мне в душу. – Ты когда-нибудь испытывала подобное, Кендра?

В прозрачном осеннем свете ее глаза кажутся темно-зелеными с золотистыми крапинками. «*Как у Финна*», – думаю я и знаю, что она заметила печаль на моем лице, прежде чем я успела скрыть ее за улыбкой.

– Когда я впервые встретила Дэна – да. До него у меня было несколько парней, но ничего особенного. А когда встретила его, все поняла в мгновение ока, как ты сказала. Тогда мы были молоды, самоуверенны и полны грандиозными планами. Но, как ты говоришь, жизнь есть жизнь. Надежды похоронены под ворохом проблем. Уверенность будто испарилась... – на этих невеселых словах я замолкаю, в горле спазм. Нечасто я признаюсь кому-то, а особенно себе, насколько сейчас сложно.

Какое-то время мы сидим молча, потом Элла снова берет мою руку:

– Никогда не теряй надежды, Кендра! Даже если лишилась всего остального. Жизнь без надежды – всего лишь существование. Надежда – это то, что делает нас людьми. Без нее мы рискуем потерять понимание того, что значит быть живым.

Я киваю:

– Но иногда лучше не надеяться, чтобы потом не чувствовать боли.

Она снова смотрит на меня своими темно-зелеными глазами:

– Возможно, да. Но, по моему опыту, когда ты так много теряешь, лучше чувствовать эту боль, чем не чувствовать ничего.

Ее слова и выражение глубокой печали заставляют меня вспомнить о ее разрыве с моей матерью. Неужели она все

еще верит в примирение? Пока еще не слишком поздно? Написание ее истории как-то связано с этим, хотя я пока не знаю, как и почему. Возможно, тот факт, что она поделилась со мной своими воспоминаниями, которые останутся на бумаге даже после ее ухода, дает ей призрачную надежду. Или благодаря этому у нее теперь есть цель, или она делает это для меня, пытаясь заставить меня вырваться из той рутины, в которой я погрязла. Я думала, что, приезжая сюда, поддерживаю ее, но теперь меня не оставляет стойкое ощущение, что сама получаю гораздо больше, чем отдаю...

Солнце ускользает, прячется за стену, и тень, ползущая по зеленой траве, падает на лицо Эллы. Она слегка вздрагивает:

– Ну ладно, все это было очень мило, пока было, а сейчас нам пора возвращаться.

Я помогаю ей подняться и предлагаю опереться на мою руку, когда мы идем к двери.

– Увидимся, бабушка. И между прочим, скоро у вас ужин.

– Спасибо, Кендра, за свежий воздух, за то, что пришла ко мне. У меня есть еще кассета для тебя. Ах да, я нашла несколько писем Каролин, они могут тебе понравиться.

Когда мы подходим к задней двери, Элла оборачивается, смотрит на сгущающиеся тени, на одинокие розы, мерцающие белым светом, и спрашивает:

– Как ты думаешь, Финну может понравиться этот сад? Может быть, ты как-нибудь возьмешь его с собой?

– Возможно, если погода будет хорошей. Вообще он лю-

бит ходить с отцом на огород. Но его нужно осторожно знакомить с новыми местами. Все незнакомое вызывает у него панику. Посмотрим.

На самом же деле я уверена, что он моментально возненавидит дом престарелых с его странными запахами, узкими коридорами и чужими людьми. Все это ужаснет его.

Элла не настаивает, улыбается и говорит мягко:

– Ну, я надеюсь увидеть его когда-нибудь еще.

1938, Île de Ré

День за днем незамысловатый ритм острова Ре все больше поглощал Эллу. Они либо плавали и загорали на песчаных пляжах, либо гоняли на велосипедах по накатанным проселочным дорогам. Довольно скоро пейзаж солончаков и песчаных дюн стал казаться Элле более родным, чем виды улиц Эдинбурга.

Колокольня церкви Святой Марии, стремящаяся к небу среди пышных зеленых виноградников и золотистых кукурузных полей, усыпанных алыми маками, звала их домой после прогулок по суше и морю. Акварельная чистота этого мира, запечатленная в самом ее естестве, совершенствовала в ней восприятие красоты. Она любила все это: белые рыбацкие домики, огромную цитадель в Сен-Мартене, пики разноцветной мальвы на узких мощеных улочках деревень, бескрайние поля с причудливым ковром из васильков, чесоточной травы, «кружев королевы Анны»³² и морского остролиста, устричные отмели и солончаки, где знаменитую *fleur de sel*³³ собирали в драгоценные сугробы, чтобы выбелить на солнце, и где маленькие косматые ослики, сородичи Анаис,

---

³² «Кружево королевы Анны» – растение, названное в честь датской принцессы, супруги англ. короля Якова I.

³³ Fleur de sel (*фр.*) – «Цветок соли» – знаменитая французская соль, считается самой вкусной солью, при ее производстве используется только ручной труд.

носили забавные полосатые гетры, защищавшие их от едкой соли и кусающихся насекомых и придававшие им милый и смешной вид.

Однажды, катаясь на велосипедах по Ла-Флотт, они проехали мимо санатория, где дети загорали на холщовых лежаках под присмотром матроны в накрахмаленном чепце и фартуке.

– Они приезжают сюда из-за морского воздуха, – объяснила Каролин. – Он очень полезен. Некоторые излечиваются от туберкулеза, другие от анемии. Солнце и море – лучшее лекарство.

Все трое замахали руками, и дети с радостными криками махали в ответ, пока няня не утихомирила их. Элла и не сомневалась, что Ре – прекрасное место для восстановления сил. Она сама светилась от счастья, а также от ветра и солнца – постоянных спутников их прогулок. Ее волосы, выгорев, стали белокурыми, а кожа – золотистой.

Новости из мира за пределами острова поступали нерегулярно: время от времени приходили письма от матери Эллы, в которых она спрашивала, как продвигается ее французский, и сообщала о ежегодном визите родителей в Файф для игры в гольф и бодрящих прогулок по пляжу в Эли. Иногда Марион после работы в саду уходила в гостиную, чтобы укрыться от дневной жары, и оттуда доносился приглушенный звук радио. Порой Каролин спрашивала маму о новостях из Парижа, Марион качала головой и улыбалась, но ее

темные глаза выдавали беспокойство.

– Опять обычное сумасшествие, – заметила она однажды.

Но их дни оставались беззаботными: плавание на «Бижу», пикники на пляже или поездки по острову на трех чуть ржавых велосипедах. Казалось, тонкая полоска воды, отделявшая их от материка, была непроницаемым барьером, который ничего не пропускал из внешнего мира.

Кристоф, Каролин и Элла были неразлучны, проводя каждую свободную минуту вместе. И хотя Эллу и Кристофа непреодолимо тянуло друг к другу, Каролин всегда была желанным членом этой троицы: мягкая и спокойная, преданная обоим, она ненавязчиво сопровождала их во время прогулок.

Однажды, сидя у дюн за домом, Каролин сказала то, что каждый из них чувствовал, но не решался произнести:

– Забавно, Элла, но до твоего приезда я думала, что мы с Кристофом – две половинки одного целого. А теперь, допуская, что ты уедешь, не могу представить нашу жизнь без тебя.

Элла кивнула, ее лицо оставалось серьезным:

– Я чувствую то же самое. Я даже не хочу думать о том, каково это будет – покинуть вас в конце лета. Обещаете мне, что оба будете писать? А я обязательно напишу вам в Париж после возвращения в Эдинбург.

Они тут же стали строить планы, как двойняшки приедут когда-нибудь навестить ее в Шотландии, а Элла вернется на

Ре следующим летом.

– Каждое лето вовеки веков! – торжественно объявила Каролин, рисуя на песке у их ног сердечко. Затем внутри по кругу написала их имена и сказала, что она сотворила волшебное заклинание, которое обязательно сбудется. Потом повернулась к Кристофу, и глаза ее внезапно заблестели. – Я думаю, Элла должна в будущем году приехать к нам в Париж. В любом случае, как только мы начнем работать, у нас уже не будет таких долгих каникул. Зато мы покажем тебе город, ты сможешь совершенствовать свой французский, хотя он и так хорош. А потом, кто знает, возможно, тебе понравится в Париже, и ты останешься работать, как только закончишь курсы секретарей, – Каролин вскочила, отряхивая песок с шорт. – Я пойду и скажу *Maman*, чтобы она написала твоей маме немедленно и заранее пригласила тебя. А мы будем с нетерпением ждать этого момента.

Кристоф повернулся на живот и расплылся в улыбке. Они редко оставались наедине, и она вдруг почувствовала себя неловко.

– Ты приедешь к нам в гости, Элла? Это сделает наше нынешнее возвращение в Париж сносным. Пообещай!

Острым краем ракушки Элла обвела очертания сердца, нарисованного Каролин. Ветер, подхвативший золотистые крупинки, уже почти размыл их имена, возвращая песку первоначальный вид.

Когда Элла увидела, что их имена исчезают, она на мгно-

вание почувствовала сильнейшее волнение, дыхание перехватило, и она не смогла вымолвить ни слова. Не в силах сдержаться, Кристоф потянулся к ней и нежно провел пальцами по подбородку. Элла подняла глаза, мягко коснулась его загорелой руки и улыбнулась:

– Я обещаю!

* * *

Как-то внезапно наступил последний уик-энд на острове. Всю неделю до этого они паковали вещи и готовились к возвращению в реальную жизнь, в реальный мир.

В тот день августовская жара была невыносимой, ветер стих, воздух был неподвижным и тяжелым. Над морем, как дурное предзнаменование, собиралась плотная, темная туча.

Элла почувствовала перемену в атмосфере за завтраком, и это никак не было связано с изменением погоды. Отец двойняшек месье Мартэ должен был приехать из Парижа в последнюю неделю каникул, поскольку работа в банке удерживала его в городе до конца лета. Казалось, именно это сделало настроение Кристофа столь мрачным. Марион и Каролин тоже выглядели напряженными, слишком оживленно обсуждая последующие дни. Кульминацией этой недели должно было стать светское мероприятие – бал в бывшем Губернаторском доме в Сен-Мартене, предполагающее сбор средств для санатория, который в нем располагался. Марион

хотелось быть уверенной, что у каждого есть соответствующая случаю одежда.

– Кристоф, я же просила тебя взять с собой хотя бы один костюм. Ты знаешь, как много значит для папы этот бал. Ведь это для благого дела! Там будет много папиных деловых партнеров.

– Почему мне обязательно там быть? Никто из деловых партнеров *Papa* даже не станет со мной разговаривать. Там скучно и официально. Это будет наша последняя ночь на острове, почему мы не можем провести ее так, как нам хочется?

– Ты должен понимать, что именно в этом году как никогда важно твое присутствие. Через несколько недель ты поступишь на работу в банк, и будет правильным заручиться полезными связями. Папины партнеры рассчитывают увидеть тебя на балу с твоей семьей. Пожалуйста, Кристоф, ради всех нас, не расстраивай *Papa* в день его приезда. У него такой короткий отпуск, давайте сделаем все, чтобы эта неделя была приятной... А теперь, – продолжала Марион решительным тоном, не терпящим дальнейших возражений, – я уверена, что в шкафу в моей спальне висит твой старый костюм. Думаю, ты оставил его здесь прошлым летом. Возможно, мне удастся немного удлинить брюки. Надеюсь, в этом можно будет показаться на людях. Ну а рубашку и галстук ты можешь взять у папы.

– Я буду выглядеть нелепо, разодетый, как дрессирован-

ная обезьяна!

– Ну, если ты и будешь выглядеть нелепо, то только по своей собственной вине, – раздраженно парировала мать.

Со стороны океана послышался глухой и пугающий раскат грома.

– Черт бы побрал эту погоду! – Разочарование Кристофа выплеснулось наружу, и он сердито раскрыл булочку на своей тарелке. – Сегодня мы даже не сможем выйти в море.

– Почему бы тебе не взять велосипед и устроить пикник? Или поехать на маяк? Вряд ли Элла уже видела его...

– Нет, не с суши, только мельком и на расстоянии, с «Бижу». Было бы интересно подняться на него и увидеть остров с такой высоты! – Элла ухватилась за предоставленную Марион возможность сменить тему разговора и отвлечь Кристофа от дурных мыслей.

* * *

Они вернулись поздно, разгоряченные и усталые после долгого путешествия на велосипедах. Воздух казался Элле густым, как овсянка. Подъехав к задней части дома, они почувствовали запах сигарного дыма, перебивающий обычные вечерние ароматы жасмина и жимолости. Месяц Мартэ стоял на террасе в строгом темном костюме, словно посол из реальности, и Элле показалось, что он вторгся в их островную идиллию, невольно принеся с собой неприятное напо-

минание о внешнем мире.

Он повернулся, окинул их взглядом, но не двинулся с места, решив подождать, пока они прислонят свои велосипеды к стене небольшого флигеля, где стояли повозка Анаис, весла для «Бжу» и несколько садовых инструментов. Под его молчаливым взглядом Элла почувствовала себя растрепанной и неопрятной. Нервничая, она вытерла запыленные руки о шорты, а затем заправила волосы за уши, стараясь придать себе презентабельный вид. Она пожалела, что не была одета более официально для своей первой встречи с отцом двойняшек.

Каролин подошла к отцу первая и встав на цыпочки, расцеловала его в обе щеки. Кристоф стоял вдалеке неловко и отчужденно, пока сестра представляла гостью:

– *Papa*, это Элла.

Месье Мартэ протянул руку и пожал ее довольно влажную ладонь.

– *Je suis ravi de faire votre connaissance, Mademoiselle Ella*³⁴.

Девушка отметила, что он обратился к ней на «вы», и в то же время улыбнулся и дружелюбно прищурился. «На самом деле, – подумала она, – вблизи он выглядит скорее усталым, чем суровым».

Из дома за его спиной появилась Марион.

– *Oh là là*, как поздно вы вернулись! Я уже решила, что

---

³⁴ Je suis ravi de faire votre connaissance, Mademoiselle Ella. (*фр.*) – Я рад с вами познакомиться, мадмуазель Элла.

вы на велосипедах съехали с берега прямо в океан! Идите и приведите себя в порядок к ужину. Но прежде загоните велосипеды внутрь. Похоже, сегодня ночью нас ждет буря.

Словно в знак согласия, море за дюнами лизнула вспышка молнии, быстрая, как язык гадюки, а через несколько секунд раздался раскат грома, от которого, казалось, задрожал знойный вечерний воздух.

Они ужинали в саду.

– Давайте рискнем, – предложила Марион, – а если начнется буря, мы возьмем свои тарелки и убежим в дом.

Потемнело, но вечер не принес привычной прохлады. Воздух, казалось, становился все горячее и тяжелее, и Элла обнаружила, что ей совсем не хочется есть, несмотря на аппетитный *bar au beurre blanc*³⁵ на ее тарелке.

– Какие новости о кухне Агнес? – Каролин нарушила гнетущее молчание, усугубляемое знойным ночным воздухом.

Месье Мартэ покачал головой, вытер усы салфеткой.

– Пока ничего. Вы же знаете, сейчас французские власти практически закрыли границу. Беженцам гораздо труднее попасть в страну. Но я все еще пишу письма и уверен, что благодаря некоторым моим связям в банке нам удастся переправить семью в Париж, – обнадежил он и ободряюще похлопал жену по руке.

Каролин повернулась к Элле и пояснила:

---

³⁵ Bar au beurre blanc (*фр.*) – лаврак или сибас в сливочном соусе.

– Мамины родственники из Австрии должны приехать и остановиться у нас на некоторое время. Сейчас, когда их страна захвачена Германией, все очень сложно. Поэтому они планируют перебраться во Францию.

Кристоф взял еще одну картофелину с тарелки в центре стола.

– Это будет утомительно. Кузина Агнес – совершенная невротичка, а ее муж – зануда.

– Ну, это только до тех пор, пока они не найдут себе постоянное жилье в Париже. К тому же дети очень милые, как бы тебя ни раздражали их родители, – парировала сестра.

– И в любом случае, большую часть времени ты будешь находиться на работе, – решительно вставил отец. Его уверенные слова тяжело повисли в воздухе, и опять воцарилось молчание.

Элла отважно предприняла попытку сменить тему разговора:

– Мне так хотелось побывать на прошлогодней Парижской всемирной выставке! Вы все посетили ее? Действительно ли она была так великолепна, как говорят?

Прежде чем ответить, месье Мартэ вновь промокнул усы салфеткой.

– Да, это было впечатляющее зрелище. Но какое нелепое сооружение построили немцы! Оно располагалось напротив русского павильона, рядом с Эйфелевой башней, безуспешно пытаясь затмить ее. Некоторые считали его элегантным

и современным, – он произнес это слово с презрением, – но я нахожу грандиозную нацистскую архитектуру бесчеловечной и по масштабу, и по атмосфере. Конечно, то была демонстрация силы, и я полагаю, что именно это они и намеревались предъявить миру.

– Мы побывали в испанском павильоне, – нетерпеливо вставил Кристоф. – Там была картина Пабло Пикассо, совершенно революционная.

Отец покачал головой:

– Я думаю, что это ужасно. Едва ли все эти углы и дикость имеют смысл. И к чему изображать нечто столь ужасное в произведении искусства? Жестокая резня во время Гражданской войны в Испании – едва ли приятная тема для созерцания.

Кристоф возразил:

– Смысл искусства в том, чтобы уметь рассказать историю, когда слов недостаточно. И месье Пикассо великолепно справляется с этим в *Guernica*³⁶.

От долгого низкого раската грома зазвенели стаканы на столе, и Марион, с опаской посмотрев на небо, вытянула руку ладонью вверх.

– Это была капля дождя?

Не обращая внимания на жену, месье Мартэ бросил на сына укоризненный взгляд и тяжело вздохнул:

---

³⁶ *Guernica* (исп.) – известная картина Пабло Пикассо, посвященная жертвам Гражданской войны в Испании.

– Мы уже говорили об этом раньше. Чуть меньше времени, потраченного на размышления об искусстве, и чуть больше на чтение деловых бумаг, *mon fils*³⁷, сослужили бы тебе хорошую службу. Твой рабочий стол ждет тебя в банке. Наступит осень, и уже не будет времени думать ни о чем, кроме своей карьеры. Пора тебе отложить свои альбомы с набросками и сосредоточиться на более достойных занятиях.

Кристоф шумно вздохнул, собираясь что-то возразить. Но неожиданно мощная вспышка и почти одновременно раскат грома заставили их всех вскочить. Вода, выплеснувшаяся из стакана, который Элла держала в руке, намочила подол платья, но, пытаясь промокнуть его салфеткой, девушка заметила, что на нем становится все больше разводов – это были крупные капли дождя.

– *Vite!*³⁸ Внутрь! – Марион принялась собирать тарелки, и остальные последовали ее примеру, спеша укрыться от ливня, начавшегося так внезапно, будто открыли кран.

В ту ночь Элла лежала в своей постели, прислушиваясь к раскатам грома и барабаниющему по крыше дождю, заглушающему рев океана за дюнами, и в голове у нее кружил калейдоскоп мыслей. Лето подходило к концу. Как же ей не хотелось возвращаться в суровую, холодную серость Эдинбурга с его покрытыми сажей зданиями и уже начинающимся листопадом! Внезапно ей стало невыносимо от мысли, что ее

---

³⁷ Mon fils (*фр.*) – мой сын.

³⁸ Vite (*фр.*) – быстро.

запрут в пыльной комнате перед пишущей машинкой. И кем она будет, когда вернется туда? Конечно, не той Эллой Леннокс, которая несколько недель назад покинула вокзал Уэверли.

При мысли о расставании с Кристофом ее сердце сжалось от боли, которая пронзила каждую частичку ее хрупкого тела. Они никогда по-настоящему не целовались, если не считать целомудренных поцелуев в щеки, которыми французы обменивались просто в знак приветствия. Казалось, некая невидимая сила неумолимо притягивала их друг к другу. И когда он провел пальцами по ее лицу в тот день на пляже, она... нет, они оба почувствовали электрический разряд, такой же мощный, как удар молнии!

Она откинула тонкую хлопчатобумажную простыню, ее тело горело в наполненном штормом воздухе.

Казалось, что уехать отсюда невозможно. И все же она знала, что и остаться здесь она не может. Это лето изменило все, и безопасное, уверенное будущее, которое было запланировано для Эллы в Эдинбурге, исчезло вместе с ветром, который дул через Атлантику, заставляя морскую траву в дюнах раскачиваться и танцевать.

– Подумай о Париже следующим летом... только это и ничего больше... мы снова будем вместе...

Буря, казалось, ослабевала, и наконец девушка забылась горячечным, беспокойным сном, погруженная в море тревожных предчувствий.

– Ну же, Кристоф! Бенуа уже здесь! – Каролин едва ли не подпрыгивала от возбуждения, высматривая у входной двери мужа Сандрин, с которым они порой встречались в море, когда он возился на своей рыбацкой лодке с ловушками для омаров, но сегодня по просьбе месье Мартэ он арендовал в местном гараже новый автомобиль, чтобы отвезти их на бал.

– Элла, ты прекрасна!

– Спасибо, ты тоже, Каролин!

Пышные юбки вечерних платьев подчеркивали тонкие талии девушек, а сами они в нетерпении уже кружились в танцевальных па в узком коридоре дома, предвкушая начало бала. Наряд Каролин был темно-кораллового цвета, свои непослушные кудри она укротила парой черепаховых гребней. Переливы атласного платья Эллы цвета *eau-de-nil*³⁹ весьма гармонировали с золотистыми искорками в ее глазах. А возможно, так сиять ее заставлялала мысль о том, что сегодня на балу она будет танцевать в объятиях Кристофа.

Девушки, взявшись за руки, позировали месье Мартэ, который снимал их на недавно купленную цветную фотокамеру Leica⁴⁰.

– *Rara*, мы должны будем сделать снимок и для Эллы, чтобы я могла отправить ей карточку, когда вернемся в Париж, – заявила Каролин.

---

³⁹ *eau-de-nil* (*фр.*) – цвет нильской воды – зеленовато-голубой.

⁴⁰ *Leica* – фотокамера одноименной немецкой компании, основанной в 1849 г. и выпускающей оптические приборы.

Месье Мартэ, щеголявший во фраке и белой бабочке, выглядел более расслабленным после недели, проведенной на острове, и его седеющие волосы контрастировали с заметно загоревшим лицом. Тем не менее Элла не могла не заметить, как печальны были его глаза, когда он смотрел на них, смеющихся и щебечущих без умолку. Двадцать лет назад он был свидетелем ужасов войны, подобных которой, как он надеялся, мир больше никогда не увидит. Она знала, что он достаточно повидал мрака, чтобы ценить мгновения света и красоты. Казалось, месье Мартэ запечатлевал эту минуту в своей памяти, как снимок, который только что сделал фотоаппаратом, чтобы уберечь ее от угрозы грядущих темных времен.

Когда церковный колокол Сен-Мари пробил семь, Элла увидела, как Марион с царственной грацией спустилась по лестнице, а ее муж, уже взявший себя в руки, помог ей надеть золотистую кружевную накидку, которая очень шла к ее струящемуся вечернему платью. С бесконечной нежностью он отвел в сторону завиток ее темных волос, выбившихся из пучка на затылке, и поцеловал бледную шею.

– Пойдемте, моя прекрасная супруга, ваш экипаж ждет вас, – сказал он, протягивая ей руку.

Подобрав свои длинные юбки, Марион, Каролин и Элла спустились по песчаной дорожке туда, где их ждал Бенуа.

– Ну же, Кристоф! – снова позвала Каролин, на этот раз более нетерпеливо, оглядываясь через плечо.

Наконец грохот на лестнице возвестил о поспешном прибытии ее брата. Он был одет в темный костюм, который усилиями Марион сидел на нем достаточно хорошо, но его ноги были босыми, а рубашка расстегнута на груди. В одной руке он держал пару черных кожаных туфель, а в другой – галстук и запонки для воротника. Он вскарабкался на сиденье рядом с девушками и принялся приводить в порядок последние детали своего наряда.

– Извините, – бормотал он, неуклюже вставляя запонки в узкие отверстия. – Я просто потерял счет времени.

Его отец нахмурился.

Марион взяла у Кристофа запонку и ловко застегнула непокорный воротник рубашки, затем нежно провела ладонью по волосам сына, чтобы немного пригладить челку, падающую ему на глаза.

– Так. Теперь завяжи шнурки, иначе рискуешь споткнуться и полететь через весь зал.

Когда они миновали городские укрепления и въехали на узкие улочки Сен-Мартена, солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени. В серебристо-голубом вечернем небе над ними метались стрижи, кружась в своем бесконечном летнем полете. Поздний августовский воздух был приятно теплым.

Они остановились перед красивыми воротами, через которые элегантно одетые гости спешили на территорию *Palais*

*des Gouverneurs*⁴¹. Элла расправила складки платья, разгладила ладонью нежный зелено-голубой атлас, одновременно пыталась унять волнение.

Месье Мартэ взял жену под руку и повел ее по аллее к распахнутым дверям особняка. Дурачась, Кристоф картинно предложил руку каждой из девушек, и они присоединился к процессии, смеясь над его нарочитой напыщенностью.

Белые стены бывшего дворца губернатора были окружены темными тисовыми изгородями, постриженными в виде аккуратного геометрического рисунка и придававшими саду официальности, но ее смягчали клумбы лаванды и маргариток, слегка трепетавших на вечернем ветру. Здание было продано государством несколько лет назад богатой семье из Шампани, которая финансировала летний оздоровительный лагерь для городских детей из бедных семей. Теперь, когда маленькие гости разъехались по домам, особняк был арендован для традиционного бала в конце сезона, продажа билетов на который помогала собирать средства для финансирования лагеря в следующем году.

Высокие окна дворца были распахнуты настежь, и вечерняя прохлада проникала в бальный зал с высокими потолками, где тихие звуки струнного квартета рисковали быть заглушенными нарастающим шумом болтовни собравшихся гостей.

Официанты бесшумно разносили подносы с искрящимся

---

⁴¹ Palais des Gouverneurs (*фр.*) – дворец губернатора.

шампанским, которое только усиливало громкость смеха.

Элла наклонилась поближе к Каролин, стараясь разобратъ, что та говорит, указывая на гостей, знакомых им по Парижу. Кристоф подавил зевок:

– *Ah, oui, le Tout-Paris*⁴². Почему мы должны тратить наш драгоценный последний вечер, разговаривая с ними здесь, если собираемся вернуться в город, где мы в любом случае увидимся?

Марион материализовалась рядом с ним, когда он как раз потянулся за очередным фужером шампанского на подносе проходящего мимо официанта.

– Поставь обратно, Кристоф. Я уверена, что успела сосчитать, как ты выпил по меньшей мере два бокала. *Papa* хочет познакомить тебя с одним из директоров банка. *Allons-y!* – и, крепко взяв сына за руку, она направилась обратно через толпу, а он покорно последовал за ней.

Элла обвела взглядом зал, изучая роскошные композиции из белых лилий, обрамлявшие огромный каменный камин. Рядом были двери в соседнюю комнату, сквозь которые виднелся длинный стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный огромными тарелками с устрицами. «Какое изобилие, – подумала она, – после стольких лет строгой экономии. В такую ночь, как эта, трудно поверить, что мир когда-нибудь снова познает нужду».

Каролин слегка подтолкнула ее локтем:

---

⁴² *Ah, oui, le Tout-Paris (фр.)* – Ну да, весь Париж.

– Почему такая серьезная?

Элла рассмеялась и покачала головой:

– Нет, ничего. Как ты думаешь, когда начнутся танцы?

– Скоро. Мы послушаем выступление директора санатория, а затем, когда все необходимые формальности будут соблюдены, в дело вступят музыканты.

Как раз в этот момент, словно по сигналу, струнный квартет умолк, и по залу прокатилась волна аплодисментов: устроители вечера заняли место в центре и поприветствовали своих гостей.

Элла с удовлетворением отметила, что понимает почти каждое слово из речи директора. Ее лето на острове определенно принесло свои плоды. В следующем году она должна будет получить диплом секретаря. Возможно, ей действительно удастся найти работу в Париже, а также подходящее жилье где-нибудь рядом с Каролин и Кристофом. Она представила себе, как направляется на важную встречу в какое-нибудь посольство, бодро шагая по парижским улицам в модном элегантном костюме, и ее каблучки дробно стучат по тротуару. Она почувствовала укол сомнения, когда задумалась, как ее родители воспримут эту идею. Но проблему придется решить, как только она вернется в Эдинбург.

Аплодисменты отвлекли Эллу от мыслей, и она поняла, что директор закончил свою речь. Бальный зал опустел, гости устремились к длинному столу с едой, а затем на террасу, где были накрыты маленькие столики, чтобы все могли в

полной мере насладиться ужином, запивая его шампанским.

К квартету присоединился аккордеонист, и музыканты заиграли вальс. Внезапно рядом с Эллой появился Кристоф и обнял ее за талию.

– Давай потанцуем, – сказал он. – Пока все остальные заняты наполнением своих тарелок, мы будем на паркете одни...

Он вывел ее на середину зала. Вдыхая аромат лилий и наслаждаясь теплым морским бризом, они вдвоем поплыли по паркету, поглощенные своим танцем. Музыканты заулыбались и заиграли с особым чувством, тронутые видом юной красоты, грации и неподдельной нежности, с которой Кристоф смотрел на свою партнершу, растворяясь в ответном взгляде Эллы.

– У тебя глаза цвета виридиан⁴³, цвета океана в той точке, где он внезапно становится неизмеримо глубоким, – прошептал он. – Морская зелень, искрящаяся в золотистых солнечных лучиках. Я бы с радостью утонул в них, если бы это означало, что мы можем танцевать так вечно.

Она улыбнулась, и ее рука крепче сжала плечо Кристофа. Он притянул ее немного ближе, и они продолжили вальсировать. Для Эллы, опьяненной счастьем, любовью и одним-единственным бокалом шампанского, вечер пролетел слишком быстро.

Кристоф танцевал с сестрой и матерью. Месье Мартэ га-

---

⁴³ *Виридиан* – насыщенно-зеленый с оттенком синевы.

лантно вел Эллу по паркету в изящном фокстроте, но весь вечер она чувствовала близость Кристофа. И он появлялся рядом при каждом удобном случае, чтобы снова потанцевать с ней.

Гости начали постепенно расходиться, и месье Мартэ, взглянув на свои карманные часы, заявил, что им тоже пора.

Обратно ехали молча, каждый думал о своем: может быть, это были воспоминания о прошедшем вечере или мысленное перечисление вещей, которые следовало не забыть упаковать для завтрашнего возвращения в Париж.

– Спокойной ночи, спокойной ночи и спасибо вам за чудесный вечер! – Элла поцеловала месье и мадам Мартэ у подножия лестницы, а затем огляделась в поисках Кристофа, чтобы пожелать спокойной ночи и ему. Его нигде не было видно, поэтому она поднялась в спальню, едва волоча уставшие от танцев ноги.

Она с облегчением сбросила туфли, ее щиколотки отвыкли от такого напряжения после лета, проведенного либо босиком, либо в мягких парусиновых эспадрильях. Не снимая вечернего платья, она взяла гребень и принялась расчесывать свои волнистые волосы, выгоревшие на солнце.

Дребезжащий звук за окном заставил ее отложить расческу и прислушаться. Снова послышался тихий стук в деревянные ставни, как будто кто-то бросал в них камешки. Элла распахнула окно и выглянула наружу. Внизу в бледном свете луны стоял Кристоф и пристально смотрел на нее. Прило-

жив палец к губам, он поманил ее к себе. Босиком, подобрав подол платья, она на цыпочках спустилась вниз. В дверях он схватил ее за руку, его глаза горели в лунном свете.

– Это наша последняя ночь, и она слишком хороша, чтобы спать. Пойдем со мной на пляж!

Взявшись за руки, они побежали по песчаной тропинке, перебираясь через дюны, к пляжу, где темные волны шуршали и пенились на серебристом песке.

Полная луна освещала океан, и длинная лунная дорожка мерцала от края горизонта до самого берега, где теплые волны облизывали их ступни.

– Смотри, сегодня на нем белый шелковый пояс, – указала Элла на дорожку. – Если бы нам удалось встать на него, мы смогли бы танцевать с океаном до скончания веков.

– Было бы неплохо, – пробормотал Кристоф, – но сейчас я бы предпочел потанцевать с тобой.

Он протянул ей руки, и она шагнула к нему, позволив своей атласной юбке волочиться по влажному песку и не заботясь о том, что ее подол наверняка будет испорчен морской водой. Они вальсировали в лунном свете под серенады, которые нашептывали им волны и пронзительный крик кроншнепа. Голова Эллы покоилась на плече Кристофа.

Когда они наконец остановились, он наклонился, поднял что-то с песка и протянул ей:

– Это тебе.

Луна осветила на его ладони тонко выгравированные ли-

нии белой раковины, две половинки которой все еще были скреплены вместе.

Они побрели обратно по пляжу вдоль дюн и сели на сухой песок. Кристоф снял куртку и накинул на плечи Эллы. Девушка прижалась к нему, и он обнял ее, прислонившись спиной к склону дюны. Его голос был мягким, приглушенным волнами, которые накатывали на песок.

– Кто ты, Элла-из-Эдинбурга? Почему ты заставляешь меня чувствовать себя иначе? Словно наконец я вижу проблеск во мраке и то, что мое призвание – быть кем-то бóльшим, нежели заурядный клерк в банке. Ты заставляешь меня поверить, что я должен бороться изо всех сил за то, что я так страстно люблю.

Она кивнула и сильнее прижалась к нему:

– Я тоже чувствую что-то похожее. Это лето заставило меня проснуться и открыть глаза на все возможности, которые есть в этом мире. Дало понять, что я хочу прожить жизнь бóльшую, чем та, которую я представляла себе до сих пор... до тех пор, пока я не приехала сюда... пока я не встретила тебя.

Ее глаза сияли в лунном свете, когда она подняла голову и они поцеловались. От мягкости его губ у нее закружилась голова, и ей вдруг показалось, что они взмывают над залитым лунным светом океаном, как морские птицы в невероятном полете. Морская трава зашуршала, когда ночной ветерок пробежал по ней, и Элла раскрыла ладонь, чтобы

еще раз посмотреть на сувенир, который он ей дал. Кристоф осторожно дотронулся до раковины, развернув так, что стали видны гладкие внутренние поверхности двух половинок.

– Моя мать называет их «медальонами Нептуна». Видишь, это совсем как медальон, который ты носишь на шее. Жаль, что я не могу подарить тебе серебряный. Ты поместила бы в него наши портреты, и мы были бы вместе, даже когда врозь.

– «Медальон Нептуна», – задумчиво повторила Элла. – Мне это нравится. Я буду дорожить им, как если бы он был сделан из серебра.

Он накрутил прядь ее волос на свои пальцы и гладил их шелковистые кончики большим пальцем.

– Я только сейчас понял, кого ты мне напоминаешь! – внезапно воскликнул он. – С того самого момента, как я впервые увидел тебя на пристани, это постоянно беспокоило меня, что-то ускользающее, неуловимое, и я пытался найти это сходство в каждом наброске, который делал с тобой... Теперь я вспомнил. Картина Боттичелли «Рождение Венеры». Ты видела ее? Юная богиня, рожденная из морской пены, стоит на такой же раковине, как эта, и ее уносит ветром на берег волшебного острова. Точно так же, как тебя занесло сюда, на остров Ре, чтобы мы нашли друг друга. Ты – моя Венера, и однажды я напишу картину с тобой, подобно Боттичелли. Картину, которая заставит людей понять: единственное, что действительно имеет значение на небе и на земле, –

это красота.

Она улыбнулась, запрокинула лицо и снова поцеловала его, соединив их сердца вместе так, что они стали двумя половинками прекрасного целого, как раковина, которую она сжимала в ладони.

2014, Эдинбург

Сегодня хороший день: без истерик и криков, без жутковатого ухода Финна из реального мира, который не имеет для него никакого смысла, который подчас заставляет его рвать на себе волосы и в панике царапать лицо, иногда до крови. Обычный, заурядный день для большинства других людей, но для нас дни, похожие на этот, настолько редки и далеки друг от друга, что становятся чем-то особенным.

Дэн нашел социальный проект, о котором он слышал от кого-то на огороде, куда иногда берет с собой Финна. Проект финансируется городским советом, базируется на клочке заброшенной земли в пригороде и предполагает строительство сада для детей с особенностями развития.

– Финн всегда гораздо спокойнее на улице, – с энтузиазмом рассказывает Дэн, пока мы сидим вечером за кухонным столом, ужиная спагетти болоньезе. – Когда мы возимся на огороде, это, похоже, успокаивает его, кажется ему деятельностью, которая имеет смысл. Возможно, земля дает ему силы так же, как растениям.

Уже поздно. Я перебираю еще несколько писем Эллы, а Дэн заканчивает вытирать сковородку и промокивает руки полотенцем, прежде чем повесить его на дверцу духовки.

Он сейчас подле кухонного шкафа, где рядом со связкой ключей и пачкой счетов стоит фотография в рамке: я со сво-

ей мамой и Финном, вскоре после его рождения. Мы с Дэном привезли его домой из больницы, и уже через несколько дней я была в полном отчаянии, пытаюсь заставить его поесть и поспать.

Все выглядело так просто и логично в книжках для будущих мам, которые я купила и проштудировала. Так почему же у меня ничего не получалось? Почему мой маленький сын кричал от боли и ярости, когда я прижимала его к своей груди? Почему я не могла утешить его, успокоить своими объятиями, колыбельными, нежными похлопываниями по спинке и долгими часами хождения взад и вперед с ним на руках?

Мама приехала поездом сразу же, как только услышала в телефонной трубке рыдания и мое признание поражения в попытках кормить Финна грудью. И как обычно, ее невозможное присутствие успокоило: она готовила бутылочки с молоком и бережно помогала мне найти способы утихомирить моего малыша. Она вернула мне уверенность в себе, как делала всегда в моем детстве. Теперь, когда я сама стала матерью, с благодарностью вспоминаю, как она попеременно то уговаривала, то подбадривала меня во время школьных драм, больше напоминавших сцены из мыльных опер. И как она мягко, но твердо поддерживала меня во время неуклюжей, пугающей стадии переходного возраста или в пору экзаменов. На фотографии я держу на руках Финна, который, к счастью, спит. А моя мать сидит на подлокотнике дивана рядом со мной, обнимая меня за плечи. Я вымученно улы-

баюсь, когда Дэн делает этот снимок. А вот моя мать, Рона, смотрит на дочь и внука с выражением беззаветной любви.

Мне трудно понять, как у мамы сочетаются эти две стороны характера: как может кто-то, столь теплый и любящий по отношению к другим, не пускать в свою жизнь собственную мать? Когда я смотрю на фотографию в рамке, я понимаю, что ей, наверное, было очень больно, раз она прибегла к такому радикальному способу защиты.

Дэн замечает мой взгляд и слегка поправляет фотографию. Я улыбаюсь ему, потирая затекшую шею и откладывая в сторону письма, которые только что читала. Бумага пожелтела от времени, но каракули Кристофа и французские завитушки Каролин все еще четко видны на ней после стольких лет, а слова их по-прежнему наполнены любовью к Элле.

Париж

1 сентября 1938 года

Дорогая Элла!

Это мой первый день в банке. Ощущение такое, будто меня посадили в тюрьму! Я пишу тебе, притворяясь, что делаю заметки о системах бухгалтерского учета, которые мы будем использовать для клиентов, потому что я скучаю по тебе больше, чем когда-либо, и это единственный способ остаться в здравом уме, чтобы иметь возможность вернуться завтра и сделать все это снова.

Мне невыносимо думать, что это может быть пожизнен-

ное заключение. Но сама мысль о тебе заставляет меня верить, что все возможно: настанет день, когда мы снова будем вместе, где-то, как-то, но я НАЙДУ способ зарабатывать на жизнь своим искусством. Осознание того, что ты понимаешь, что ты веришь в меня, дает мне силы.

Мысленно я нахожусь на «Бижу», плыву далеко за мысом, к тому месту, где океан цвета твоих глаз. Мои воспоминания о прошедшем лете помогут мне пережить унылые будни, проведенные взаперти в этом скучном офисе, пока я снова не увижу тебя. Усердно трудись в Эдинбурге, а я буду усердно трудиться в Париже, понимая, что там, за пределами ограничивающих нас стен, ждет другая жизнь. Эти стены никогда не смогут заточить наши сердца, и мое бьется немного быстрее, когда я вспоминаю ту ночь в дюнах и думаю, как чудесно будет снова поцеловать тебя.

Извините за кляксы – месье Арно, мой тюремщик, пришел узнать, не требуется ли мне еще какая-нибудь консультация по поводу методов и инструментов ведения бухгалтерского учета, дал мне копию банковского регламента на случай, если я захочу сегодня вечером почитать его дома, так что мне пришлось спрятать это письмо под гроссбухом немедленно! Я улыбнулся и кивнул, хотя очень хотелось сказать ему, что у меня нет ни малейшего желания проделывать все это, так как сегодня вечером я буду работать над рисунком прекрасной девушки, которую встретил этим летом на острове Ре и которая полностью завладела моим сердцем.

Сейчас нас отпустили, вернее выпустили за хорошее поведение, так что я поспешу на почту, чтобы отправить тебе это письмо.

С любовью,

Кристоф

Чуть позже, когда мы с Дэном поднимаемся на второй этаж, я останавливаюсь у двери спальни Финна. Письмо Кристофа, наполненное мечтами о другой жизни, напомнило мне, в какой ловушке мы сейчас находимся. Сможем ли мы переехать за город? Будет ли там легче? Город – это место, где работает Дэн, или, по крайней мере, будет, когда снова найдет работу, а в данный момент мой оклад преподавателя – это единственный способ оплачивать счета. И здесь Финну созданы все условия, нам удалось определить его в спецшколу, где он, кажется, лучше справляется. Мы сейчас на плаву. Пока переезд – это только планы, и над ними стоит еще подумать. Поменяв что-то серьезно, мы рискуем пойти ко дну.

Итак, в данный момент я сделаю вид, что согласна на участок и проект озеленения пустыря и буду счастлива тем, что сегодня был хороший день и Финн спокойно спит в своей кровати.

Свет, проникающий в темноту, отодвигает кошмары. Во сне кулачки Финна, обычно сжатые от страха перед непостижимым миром, разжимаются. Его ногти ободраны, обкусаны, в них въелась земля от работы в саду, и ванна не смогла смыть ее, а почистить щеточкой для ногтей Финн не дал. Но

сейчас он спит, и его обычные подергивания утихли. Свет играет на его щеках, выхватывая слабый румянец – результат пребывания на свежем воздухе, и затеняет синяки под глазами, похожие на полумесяцы. Я крадусь на цыпочках по ковру с изображением улыбающихся слоников и наклоняюсь, чтобы поцеловать его в лоб, осторожно, нежно, легко, как летний ветерок, чтобы ни в коем случае не разбудить. Я очень дорожу этим редким шансом выразить свою любовь к нему – тем, что невозможно сделать, когда он просыпается.

Дэн, наблюдающий из дверного проема, берет мою руку, и его сильные пальцы, мозолистые от копания на огороде, сжимают мою ладонь на мимолетное, драгоценное мгновение, прежде чем он снова отпускает ее и уходит по коридору. Да, сегодня был хороший день, и мы будем довольствоваться этим.

улица Аркад, 3

Париж

20 сентября 1938 г.

Дорогая Элла!

Мы все ужасно по тебе скучаем! Приятно было слышать, что твое путешествие домой прошло гладко. К этому времени ты, должно быть, уже закончила курсы секретарей, так что мы с нетерпением ждем от тебя в будущем очень аккуратных, мастерски отпечатанных писем. Я надеюсь, все твои сокурсники дружелюбны (но не настолько, чтобы ты забыла

своих друзей в Париже и свое обещание приехать к нам в следующем году).

Я обожаю работать в Лувре. За исключением директора галереи, который строг, неприветлив и жутко нервирует, когда находится рядом и наблюдает за каждым моим движением, персонал очень дружелюбный, и я многому учусь. Они, конечно, еще не доверили мне ни одной настоящей картины, но мне позволено передавать лезвия и кисти во время сложных реставрационных проектов (есть такие деликатные операции! это почти что быть хирургом!) и приводить в порядок студию. Я не могу дождаться, чтобы показать тебе, когда ты будешь здесь, что происходит за кулисами.

Отправляю фотографию, которую сделал *Papa*, как и обещала. Кристоф стащил одну из твоих фотографий в балльном платье, и я знаю, что он держит ее под подушкой! Он скучает по тебе больше всех. Может быть, он пишет тебе об этом в длинных письмах, мне он их не показывает, или он типичный мальчишка, который считает невозможным говорить действительно важные вещи! Только не проболтайся ему, что я об этом рассказала: он и так слишком щепетилен насчет Эллы-из-Эдинбурга.

Je t'embrasse⁴⁴, моя дорогая подруга!

*Bisous*⁴⁵, *Каролин хх*⁴⁶

---

⁴⁴ Je t'embrasse (фр.) – целую тебя.

⁴⁵ Bisous (фр.) – поцелуй.

улица Аркад, 3

Париж

1 января 1939

Дорогая Элла!

Bonne année!⁴⁷ Будем надеяться, что 1939 год принесет мир и процветание для всех, хотя Париж все еще наводнен беженцами с востока, которые встревожены тем, что Германия снова (мутит воду, или лезет в бутылку, или создает всем большие проблемы) слишком много возомнила о себе. Но ведь никто не хочет еще одной войны, и здравый смысл должен победить прежде, чем случится что-то страшное! Кристоф настроен более пессимистично и в последнее время постоянно находится в плохом настроении, так как ненавидит свою работу в банке и скучает по девушке, которую любит.

Но по крайней мере, теперь, когда ты подтвердила свой визит в августе, есть то, чего мы все с нетерпением ждем. И особенно я – по трем причинам. Причина номер один: я увижу мою дорогую подругу и покажу ей Париж. Причина номер два: мы снова поедem на остров Ре. Причина номер три: мой бедный братец перестанет хандрить, слоняясь по дому, как влюбленный щенок, и наконец воспрянет духом. *Maman*

---

⁴⁶ хх – символ, обозначающий поцелуи и объятия.

⁴⁷ Bonne année! (*фр.*) – С Новым годом!

и *Rara* передают тебе заверения в своей любви, как и я. (Я бы передала тебе и любовь Кристофа, но знаю, что он сам это делает – и вообще, я не думаю, что смогу найти достаточно большой конверт, чтобы вместить ее).

Твоя подруга,

Каролин хх

* * *

Париж

5 июля 1939 г.

Ma Chère⁴⁸ Элла!

Я посылаю тебе эту открытку с изображением Моны Лизы, чтобы возбудить твой аппетит к посещению Парижа, и мне не терпится познакомить тебя с ней, самой знаменитой жительницей Лувра, с ее загадочной улыбкой... Теперь мне разрешено работать над настоящими картинами (пока, конечно, ничего столь значительного), и когда ты приедешь, я покажу тебе «моего» херувима в нижнем углу картины работы неизвестного художника эпохи Возрождения: свершилось наконец-то!

До встречи (как я счастлива писать эти строки!)

Каролин хх

---

⁴⁸ Ma Chère (*фр.*) – Моя дорогая.

1939, Paris

Элла чувствовала себя вполне опытной путешественницей, когда сошла с поезда на платформу со своим кремовым кожаным чемоданом. Она вглядывалась в лица людей, толпящихся вокруг, нетерпеливо выискивая Кристофа и Каролин, которые обещали встретить ее.

Носильщик принес остальной багаж и поставил его рядом с ней. Ранний августовский воздух был горячим и застоявшимся. Она вдыхала аромат Парижа – аромат, совершенно не похожий на эдинбургский или лондонский, состоящий из кофе и сигаретного дыма, смешанного с нотками французских духов и острым запахом сточных труб. Она сбросила кардиган, в котором садилась на поезд в Эдинбурге, и сунула его в чемодан.

Шли секунды, каждая из которых казалась невыносимо долгой, пока она стояла, застыв среди толпы, стараясь не прислушиваться к дребезжащему голосу сомнения внутри, который бормотал: «А что, если он не придет? А что, если он влюбился в кого-то другого? А что, если это всего лишь волшебство острова заставило его чувствовать так, и все будет по-другому в ясном свете парижского летнего дня?»

А потом она увидела его, продирающегося к ней через толпу по платформе, будто решительно плывущего против течения туда, где она стояла. Элла бросилась к нему, поз-

волив потоку пассажиров увлечь себя, и обвила руками его шею. Все сомнения исчезли, растворившись, как морской туман в солнечном тепле, когда он поцеловал ее. Месяцы разлуки прошли, и воспоминания об их последней ночи на острове Ре нахлынули снова, когда Элла зарылась пальцами в его волосы и почувствовала жар его губ на своих. В этот миг она в полной мере осознала, что пространство и время никогда не смогут разлучить их: будь то на продуваемом всеми ветрами пляже, или на городской улице, или на жаркой и грязной платформе вокзала, заполненной недоброжелательной толпой. Везде они принадлежали друг другу, две половинки совершенного целого. Она улыбнулась ему и увидела в его глазах ту же абсолютную уверенность.

– А где же Каролин? – спросила девушка, когда он одной рукой взял ее багаж, а другой обнял за талию и притянул ее ближе к себе. Так они медленно пошли к выходу – две одинокие фигуры, задержавшиеся на платформе.

– Она ждет нас в *salon de thé*⁴⁹ через дорогу. Решила позволить мне встретиться с тобой наедине, если я пообещаю привести тебя прямо туда, – усмехнулся он. – Она сказала, что первые пять минут твоего общества всецело мои, но потом мне придется делить тебя с ней до конца твоего пребывания у нас.

Они пересекли оживленную улицу и направились к чайной напротив. Элла толкнула дверь и мгновенно оказалась в

---

⁴⁹ *salon de thé* (фр.) – кафе-кондитерская, чайная.

сладком плену восхитительного сахарно-миндального запаха свежего печенья макарон⁵⁰ и Каролин, которая бросилась обнимать свою долгожданную подругу. Смеясь и болтая, задыхаясь от радости и необходимости немедленно узнать обо всем на свете (несмотря на регулярный обмен тем, что отец Эллы называл «ежедневными депешами из-за Ла-Манша»), они заказали свежий чай и тарелку пирожных. Элла сидела абсолютно счастливая между любимыми друзьями. Каролин налила золотистый дарджилингский чай в фарфоровую чашку и передала ее Элле.

– Вот, возьми эклер. Они здесь очень популярны. А теперь расскажи, ты сдала выпускные экзамены? Ты теперь профессиональный секретарь?

Элла кивнула, погружая в заварное тесто вилочку для пирожных.

– М-мм, ты права. Они очень вкусные. Да, я сдала экзамен. И скорость набора текста у меня лучшая в классе. Правда, моя стенография оставляет желать лучшего, но я много занималась, чтобы разобраться в ней. Я уже сказала маме, что осенью, по возвращении из Франции, займусь поиском работы. Но я планирую навести кое-какие справки здесь, чтобы узнать, не отыщется ли чего-нибудь подходящего. В британском посольстве наверняка что-то есть. Мои родители не хотят, чтобы я уезжала из Морнингсайда дальше Нового

---

⁵⁰ Мака́рон – Macarons (*фр.*) – французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля.

города, поэтому я решила сначала выяснить, какие варианты могут найтись для меня в Париже, прежде чем сообщить им новость о том, что хочу переехать сюда на некоторое время. Они и так уже достаточно обеспокоены всем, что происходит сейчас в Европе. Отец говорит, что Германия заставляет его нервничать, несмотря на то что и Англия, и Франция одобрили вторжение в Чехословакию.

– Мы понимаем их беспокойство, – Каролин сделала глоток чая и осторожно поставила чашку на блюдце, – но мы будем поддерживать тебя здесь. И ты можешь оставаться с нами столько, сколько захочешь. *Maman* и *Papa* будут очень рады видеть тебя.

– Расскажи мне о Лувре, – попросила Элла Каролин, и ее глаза засветились при мысли о предстоящем посещении музея со всеми его сокровищами. Кристоф нашел под столом ее руку и крепко сжал.

– Я сгораю от нетерпения показать тебе все, – ответила Каролин. – Сами по себе галереи завораживают, но еще интереснее наблюдать за тем, что происходит в кулуарах. Ну, во всяком случае, я так думаю.

– А над чем вы сейчас работаете?

Небольшая реставрация «Итальянской Мадонны» неизвестного художника эпохи Возрождения. Поначалу мы были взбудоражены, так как думали, что это Фра Анджелико⁵¹, но

---

⁵¹ Фра Беато Анджелико (*итал.* Fra Beato Angelico, букв. «Брат Блаженный Ангельский») – святой католической церкви, итальянский художник эпохи Ран-

оказалось, что просто его школа. Все равно очень красиво.

– А как в банке? – Элла повернулась к Кристофу, продолжая сжимать его руку под дамаской скатертью. – Месье Дюпон уже простил тебя за пролитый на бухгалтерскую книгу кофе?

Он вздохнул и отправил в рот еще один кусочек шоколада со сливками.

– Нет, он не из тех, кто умеет прощать. Куда хуже, конечно, что он рассказал об инциденте *Papa*, и я выслушал еще одну лекцию о своей неаккуратности и отсутствии должного усердия. А как мне заниматься тем, что ненавижу, тем, из-за чего терплю обиды и оскорбления, тем, что отрывает меня от живописи? Как я тебе завидую, Каролин.

него Возрождения, доминиканский монах. Причислен к лику блаженных католической церковью в 1983 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.